

18+

Хохлов Михаил

ОДНАЖДЫ В ТОЦКОМ

ЗАПИСКИ КОНТРАКТНИКА

ГОД ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬ 1

18+

Михаил Хохлов

**Однажды в Тоцком. Записки
контрактника. Год первый. Часть 1**

«Издательские решения»

Хохлов М.

Однажды в Тоцком. Записки контрактника. Год первый. Часть 1 /
М. Хохлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905106-6

Вы когда-нибудь служили в армии? Нет? Тогда эта книга для вас! Как только вы начнете читать эту книгу, считайте что вам в руки вручили повестку в военкомат! Вы сможете пройти путь обыкновенного солдата от самого начала его службы и до самого дембеля! Вы примерите на себя армейскую форму и получите номерной автомат! Вы будете вместе с автором книги испытывать все тяготы и невзгоды армейской службы. С головой окунетесь в абсолютно новый мир со своими понятиями и уставами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-905106-6

© Хохлов М.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
НАЧАЛО	8
БЕЗДЕЛЬЕ	11
ПРОВОДЫ	15
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕНКОМАТ	22
ОБЛАСТНОЙ ВОЕНКОМАТ	24
ПОЕЗД	32
САМАРА	35
ТОЦКОЕ	39
ВТОРАЯ УЧЕБНАЯ РОТА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Однажды в Тоцком. Записки контрактника Год первый. Часть 1

Михаил Хохлов

Дизайнер обложки Максим Пастухов

© Михаил Хохлов, 2018

© Максим Пастухов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5106-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим армейским товарищам (2005 – 2008 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Доброго времени суток, дорогой читатель! Перед вами сейчас уникальная книга. В ней описаны события, которые в основном происходили в Оренбургской области, в небольшом военном городке – в Тоцком.

Помню один забавный стишок, написанный на задворках казармы: «Армия – жопа, Тоцк в ней дыра! И все мы со свистом попали туда!» Смешно, конечно, так как под этот стишок можно подогнать любой другой город. На самом деле, не место страшит людей, а люди место. Сам по себе военный городок Тоцкое очень уютное и светлое место, но стоит вам попасть за заборы воинской части, как все меняется в одночасье. Примерный офицер семьянин становится жестоким тираном. Пьянчуга контрактник, что на гражданке скитается по кабакам, пройдя через КПП, начинает командовать вверенным ему отделением солдат. Вы словно проходите через некий портал двух, абсолютно разных, миров, где, вместе с переходом, меняется и личность человека.

Вы должны понять для себя одну вещь – в этой книге вы найдете больше неприятного, чем приятного. Вы узнаете то, о чем раньше никто и не заикался. Узнаете так же, что дедовщина не является, на самом деле, главной проблемой в армии. Почему офицеров называют «шакалами». Что такое армейская иерархия и армейские понятия. Вы будете ужасаться, и удивляться проступкам и поступкам людей носящих на своих плечах погоны.

Все, о чем вы узнаете со страниц данной книги, происходило не на полях сражений, а в мирное время на территории воинской части и за ее пределами. Я повторюсь – в мирное время! Уточняю я это для того, чтобы вы не путали армию в мирное с армией в военное время, так как одни и те же люди, в разное время, будут вести себя по-разному. Например, в мирное время какой-нибудь «перец-дедушка», может обделаться от трели пулемета над головой и зарыться в окопе не поднимая головы. А скромный солдатик, тихий и мирный, может проявить невероятное мужество в бою и, даже, отдать жизнь, но в мирное время он себя никак не проявляет! Я это к тому, что в военное время принято быть сплоченным всем ребятам, кто завтра пойдет в бой и будет прикрывать твою спину. В мирное же время все наоборот – от скуки, солдаты придумывают себе новые приключения и выдумывают все различные понятия, где у старослужащего есть всегда преимущество перед новобранцами. Так что не ждите в этой книге героических рассказов, где все друг за друга и каждый солдат другому солдату брат. Все как раз наоборот – жадность, алчность, лицемерие, подлость и многое другое вы найдете на страницах этой книги.

Эта книга позволит вам пройти вместе со мной весь путь от начала моей службы и до самого дембеля. Я покажу вам свои взлеты и падения. Позволю вам переживать вместе со мной, плакать и смеяться. Я открою вам все тайны, которые таятся за забором воинской части и так тщательно скрываются. Вы сможете заглянуть в замочные скважины каптерок и посмотреть, что же там происходит по ночам. То, что я так долго хранил в себе, теперь станет известно всем. Вы, буквально, увидите, как молодой, «зеленый» юноша, постепенно превращается в мужчину. И я не буду вам рассказывать о том, какой калибр у какого орудия и на какое расстояние оно стреляет – оставлю эти вопросы любителям техники и истории. Тем более, что этой информации хватает на всех ресурсах – книги, интернет, телевидение. Я же вам расскажу про армейский быт – армия изнутри глазами солдата.

Книга «Однажды в Тоцком» будет состоять из трех частей – «Год первый», «Год второй» и «Год третий». Причем книга «Год первый» будет поделена также на две части – по полгода. Всего будет четыре книги.

Так же прошу меня понять, что в книге очень часто встречается нецензурная брань. Хочу отметить, что если я уж взялся за то, чтобы полностью передать вам читатель всю атмосферу,

царившую в армии, то писать по-другому, не используя матерных слов, просто невозможно! В армии матерятся все – от офицеров до солдат. Я хочу, чтобы вы полностью окунулись в мою книгу с головой, а когда вынырнете, то скажите: «Я как будто сам побывал в армии!». И, чтобы такое произошло, я просто обязан писать так, а не иначе – заменяя матерные слова, на схожие по смыслу, но абсолютно далекими по эмоциональному соображению.

А теперь самое главное. Чтобы материал моей книги не использовали органы внутренних дел и большинство людей не пострадали и не загремели за решетку (я в том числе), я вынужден сделать книгу художественной, а не документальной. Некоторые имена, должности и звания я изменю. Не все события будут правдой, но суть я донесу, не сомневайтесь. Я постараюсь как можно меньше исковеркать факты, или же не исправлять их вовсе, но где правда, а где ложь смогут понять лишь немногие, посвященные в те события, люди. Поверьте, я не стану лишний раз запугивать бедную мать неправдоподобным рассказом, наоборот – если вам страшно, и вы не верите, то значит, вы читаете истинную правду!

И помните, несмотря на все, что я написал выше, в армии существуют ОФИЦЕРЫ и достойные люди. Я их видел!

Ну, что, вы готовы надеть на себя военную форму и окунуться в мир армии? Тогда переворачивайте страницу. Мы начинаем.

НАЧАЛО

Когда же все началось? Наверное, для меня, все начиналось с окончанием лицея. Наша строительная группа заканчивала третий год обучения и с нетерпением ждала вручения дипломов. Признаться, для нас это был большой праздник, и мы решили отметить его по полной программе. Но начнем по порядку.

Учились мы на мастеров столярного и плотничного производства. В группе было около 25 парней и, сам удивляюсь, одна девушка. Несмотря на такое количество мужчин Маша (так звали нашу одноклассницу), чувствовала себя как в своей тарелке. Ее не заботило, что в нашем лексиконе через каждые пару слов вырывалась нецензурная брань, напротив – иногда мне казалось, что она ругалась больше нашего. Если мы шли выпивать после учебы, она всегда составляла нам компанию и с удовольствием поддерживала любые темы разговора. Иногда даже встревала в перепалки между парнями и вносила свою лепту. В общем, для нас она была свой человек.

Коллектив в группе был довольно дружный. Мы всегда проводили весело время на практическом производстве, подшучивая над своими сверстниками. В столовой, где не всегда хватало порций, делились с ближним, только потом приступали к приему пищи, в то время как первокурсники влетали за столы как торнадо и сметали свою и соседскую порцию в мгновение! (хотя, признаться честно, мы на первом курсе были не лучше... ну, может, чуточку получше...) На переменах все бежали под лестницу курить, откуда нас всегда гоняла учительница физкультуры Галина Анатольевна. Все там же под лестницей, иногда, пили пиво, конечно же, рискуя своим отчислением, но такая уж мы дурная молодежь.

Помню, как стал модный в продаже напиток «Джин тоник», с виду газировка, а по шарам было будь здоров! И был у нас в группе Владимир, который иногда забывал про всякие человеческие комплексы. Он мог смело заявиться в лицей с утра пораньше с чекушкой водки в рукаве своего «пятизвездочного», как он его называл, пуховика, и начать пить прямо в лицейском помещении на лавочке. Веселый был парень! Так вот ему ничего не стоило сорвать этикетку с бутылки «Джина», принести ее с собой на урок английского языка, поставить на парту и пить как газировку на глазах у ничего не подозревающей учительницы! В конце концов, этот трюк «спалили» и в лицее стали проверять все подозрительные газировки. Иногда мы специально срывали с обычной газировки этикетку, накручивали крышку из-под «Джина» и сидели напротив учительской, демонстративно попивая маленькими глотками. Конечно же, это провоцировало заместителя по воспитательной работе, Татьяну Михайловну, чего мы и добивались. Она с гордым убеждением отбирала у нас бутылку и несла к медику на пробу количества спирта, при этом уверяя нас в нашем же отчислении, но на осмотре все складывалось в нашу пользу, и мы с глупым удовлетворением, что у Татьяны Михайловны все обломалось, шли обратно на пары. Что же до Владимира, до 2018 году в феврале месяце его не стало – умер в возрасте 30 лет из-за осложнений туберкулеза.

Вообще-то, если полностью описывать Татьяну Михайловну, то не хватит и двух томов толстенных книг. Я лишь напишу, что это строгая женщина, которая своим присутствием заставляла обходить себя стороной, а это не мало! В этой книге, раз уж речь зашла о педагогах, я не могу не упомянуть о Галине Ивановне учительнице русского языка и литературы, учительнице физкультуры Галину Анатольевну и учителя истории Дмитрия Владимировича. Эти две замечательные женщины были уважаемы всей нашей, и не только, группой, а Дмитрий Владимирович всегда умел рассказать так, чтобы его внимательно слушали. Огромное вам спасибо! Сразу даю понять, что и остальные хорошие учителя, однако я выделил тех учителей, которые относились к нам с большей теплотой, нежели остальные. В общем, много было

задного и смешного, печального и тревожного, но время все залечило, и наш третий курс подходил к концу, а с ним и обучение в лицее №18.

И так, на носу дипломная работа. Я выбрал две темы – это мебельный шкаф и дом (в макетах, разумеется). В столярной мастерской я соорудил небольшой шкаф-купе и построил из маленьких брусочков симпатичный домик, даже свет туда провел! В общем, сделал на совесть и получил за это оценку «отлично» и повышенный разряд.

После сдачи дипломной мы начали готовиться к выпускному. Хотя слово «готовиться» здесь, наверное, не подходит. Мы просто купили стакан анаши и перед торжественным вручением диплома дружно, всей группой, накурились, как бы свински это не звучало. В этой книге я не стараюсь скрыть какие-то факты порочащие меня или моих знакомых, напротив – я стараюсь максимально показать читателю какими мы были людьми и что за ветер гулял в наших головах. Мы были восемнадцатилетними дураками, для которых жизнь только начиналась. Курили через полторашку (удобно скрученная полторалитровая пластмассовая бутылка в народе именуемая «бульбулятор»). На лицейском стадионе расселись в хоккейной раздевалке в кружочек и, передавая по кругу бульбулятор, каждый вдыхал по мере своих легких колющий дым. Почувствовав, что с нас хватит, мы заслали паренька с младшего курса на рынок через дорогу за шоколадками.

Через двадцать минут наша группа, обкурившись травы и объевшись шоколадок, пошла в актовый зал на вручение дипломов. О, это надо было видеть – вся группа пряча свои накуренные глаза от родителей и учителей не спеша пробиралась на задние ряды актового зала, словно мы шли в разведку! Конечно же, наши, так сказать, соотечественники по параллельным группам, поняли наше состояние и всячески пытались нас подколоть. Начался смех в конце зала (все-таки кто-то удачно пошутил) и все взоры обратились в нашу сторону. Мы же в свою очередь ускорили шаги и, наконец-то, расселись на последних рядах с плохим освещением. Испытав облегчение, что меня не «спалили», я осмотрелся: зал, рассчитанный на сто – сто пятьдесят человек, был практически заполнен людьми. На первых рядах разместились учителя, замы и т.д., за ними наши родители (моих там не было), а уже поодаль расположились учащиеся выпускных групп (всего выпускалось около пятнадцати групп).

Сам зал представлял собой подобие дешевого театра – небольшая сцена с пошарпанными полами, за кулисами пыльно и грязно, старый темно-красный занавес, сверху сцену освещали разноцветные лампы. Вообще зал мне нравился, я частенько оставался в нем после уроков и пробовал себя на сцене в роли актера (иногда у меня получалось). Мне безумно хотелось сыграть в спектакле «Ромео и Джульетта» в роли Меркуцио. Но за три года такой спектакль ни разу не поставили, хотя это уже отдельная история.

Итак, зал уже был полон народу, церемония начиналась! На сцену выходили учителя и поздравляли выпускников с окончанием лицея, между поздравлениями делались музыкальные паузы, на сцене пели наши учащиеся. Кому-то мы аплодировали, кого-то провожали со свистом, все зависело от исполнителя. Частенько мы взрывались громким смехом, и нас подхватывал весь зал. Не раз к нам подходила завуч и настоятельно рекомендовала быть по тише. Так продолжалось около получаса, пока не начались вручения дипломов. Называлась группа, ребята поднимались на сцену, выстраивались в одну шеренгу и каждого по фамилии объявляли и вручали диплом. Вручением занималась Татьяна Михайловна. Она крепко жала каждому руку, вручала диплом и... целовала в щеку. Вот чего мне не хотелось – так это ее поцелуев! Можно было только представлять, как мы опасались эту женщину, которая, как нам казалось, видела нас насквозь! А, тем более, сейчас, когда мы все обкуренные, нам предстоял выход на сцену – этого мы не ожидали. Начали волноваться, кто-то уже думал сбежать с церемонии, но боялся быть замеченным (да и подозрительно было бы, если б полгруппы сбежали с собственного вручения диплома). Очередь все ближе подходила к нам на последние ряды, в голову лезли дурные мысли – что если нас засекут, что если поднимут скандал прямо на сцене,

или, того хуже – отчислят и т. д. Казалось бы, здесь не до шуток, но анаша в наших головах, кажется, этого не понимала, и мы все продолжали хохотать, глумясь друг над другом. И вот, наконец, в микрофоне прозвучало: «группа МСП-02!» (так сокращенно называлась наша группа). По залу пошли бурные аплодисменты в нашу сторону, будто аплодировали не нам, а сборной России по футболу – таких оваций мы не ожидали! Пацаны свистели, девчонки кричали, и все это, провожая нас на сцену! Мы же широко улыбаясь пробирались между рядами обмениваясь на ходу рукопожатиями, с кем еще не успели за сегодня свидеться. Поднявшись по лесенке, мы выстроились подобно предыдущим выпускникам в одну шеренгу!

В глаза резко ударил свет прожектора, и только сейчас мы начали понимать, что на нас смотрит вся аудитория! Наступила небольшая пауза. Казалось, что все смотрят на наши глаза, что все уже знает, что мы курили анашу и готовы были нас пристыдить. Не знаю, догадались ли учителя с родителями о нашей тайне, но молодежь, выдержав небольшую паузу, взорвала зал громким смехом, видя наши смущенные лица. Не поняв беспричинного смеха, Татьяна Михайловна чуть подождала, зал утих, и она начала вручать нам дипломы. В целом все проходило довольно скучно – фамилия, рукопожатие, вручение, поцелуй... Тут я снова вспомнил, что вскоре буду поцелован Татьяной Михайловной и мне стало не по себе. Прозвучала моя фамилия. Предо мной предстала улыбающаяся Татьяна Михайловна и протягивала мне свою сухую руку. Я пожал. Взял диплом. И вот теперь ее губы потянулись в мою сторону. О, Боже! Я отвернулся как можно сильнее в левую сторону сморщив кислую гримасу, зал начал хохотать, однако Татьяна Михайловна все же дотянулась до моей правой щеки и поцеловала меня. Затем пристально взглянула мне в глаза таким прожигающим взглядом, что мне стало не по себе. Мне показалось тогда, что она все поняла – про анашу, и про смех в зале, но, почему то, она ничего не сказала и прошла к следующему выпускнику. Я вздохнул. Наверное, это был единственный случай, когда я был благодарен ей. Может она не хотела портить нам выпускной? А может своим взглядом она говорила – дурак ты Михаил, вступаешь во взрослую жизнь, а все туда же! Знаю одно – в тот день я был ей благодарен. Ну, а дальше все как у всех – море пива и посиделки до позднего вечера. Так я окончил учебу в восемнадцатом лице.

БЕЗДЕЛЬЕ

Настала пора каникул, и я активно начал чесать в затылке – как провести лето и чем буду заниматься после каникул. Должен признать, что ответственности во мне, на тот момент, не было ни капли, а в голове гулял ветер. Я решил, что хочу поступить в московский институт культуры (ГИТИС или же ВГИК), в общем, замахнулся не хило. Собрал чемодан и поехал к бабушке с сестренкой в подмосковную квартирку в городе Пушкино.

Квартирка однокомнатная, маленькая кухонька, узкий коридорчик и совместный с ванной туалет. Как бы тесно там не было, мне всегда нравилось гостить у бабушки, тем более, что Москва в полчаса езды на автобусе. С бабушкой жила моя старшая сестра Настена. После переезда с Украины родители решили Настюшку отправить жить с бабушкой, а меня забрали с собой жить в Тюмень. Так мы и жили порознь – Настя в Москве, а я в Тюмени. Виделись стабильно раз в год на летних каникулах. В общем, по приезду в Пушкино я, почему то, сразу забыл куда хочу поступить и вспомнил про другое – 14 июля мне исполняется восемнадцать лет и это надо отметить достойно!

Если честно, то из 18 своих дней рождений, на тот момент, я помнил только три (причем третий меня ждал впереди). Первый запоминающийся день рождения у меня был в одиннадцать лет – в этот день было много гостей и подарков. В общем, бабушка накрыла шикарный стол со сладостями и мы дружно все сметали, облизывая пальцы! В этом дне рождении был только один минус – на нем не было моих близких друзей, друзей детства! И не было на нем родителей. Так получалось, что каждое лето родители отправляли нас с сестрой к бабушке в Подмоскovie, где мы неплохо проводили время, а так как мой день рождения летом, то, соответственно, справлять приходилось у бабушки. Второй день рождения уже проходил в Тюмени. Я справлял четырнадцатый день рождения дома на балконе с новоиспеченными друзьями, один из которых, был моим одноклассником Юра Еланцев (впоследствии мы с ним будем спать на соседних нарах в областном военкомате). А запомнилось оно мне потому, что у меня была сломана рука и нога. Вот так, загипсованный, я отметил свой день рождения – спасибо огромное моему отцу, за то, что помог организовать столь скромный, но важный для меня праздник.

Вернемся в Пушкино.

Как я уже писал выше – я забыл про институт и помышлял о праздновании своих именин. Когда я выезжал из Тюмени в Москву, отец с мамой подарили мне четыре тысячи рублей для организации моего праздника, и за это огромное им спасибо! В общем, с моими деньгами я решил поступить так, как уже хотел поступить пять лет – вернуться на Родину в Славянск и свидеться с дорогими мне друзьями детства! Такая же мечта лелеяла и мою старшую сестренку, которая, кстати, тоже скопила небольшой капитал. Мы решили поехать в Славянск на четыре дня. Позвонили родителям, они нашу идею одобрили, и, взяв билеты, тронулись в путь.

Ехали чуть больше суток. Чем ближе подъезжали, тем больше колотилось сердце. Мы оба переживали, и этого нельзя было скрыть. Нам так хотелось поскорей увидеть родные закоулки, знакомые лица, свой дом и многое другое, с чем связано наше детство. Мне не стыдно признаться, как я, будучи еще пацаном, плакал вечерами в своей постели, тоскуя по этому городу, по друзьям, с которыми, казалось, никогда не разлучусь. И вот теперь мы в пути!

Поезд подъезжал к станции, казалось так медленно, что хотелось выпрыгнуть на ходу. Нашему взору потихоньку открывались родные сердцу места! Вот он – вокзал! Такой небольшой, требующий реконструкции наш родной вокзал. Эти люди, что в суете не замечают прикрас своего города, куда-то спешат, роняя сумки, бездомные, что попрошайничают у входа в вокзал, торгаши, ларечницы, дети, пенсионеры – все они в данный момент были для меня родными! Поезд остановился, лестничный трап опущен... Как только моя нога ступила на пер-

рон, глаза мои стали мокрыми. Чувства, терзающие меня на протяжении пяти лет, нахлынули одним разом. Один только глоток воздуха заставил с головой окунуться в ностальгию. Солнышко обнимало нас как будто тоже скучало по нам, деревья кланялись, а птицы пели о нашем возвращении! Наверное, меня сможет понять только тот человек, который, истосковавшись по родной земле, вновь ее приобретал. Думаю не трудно догадаться, почему мой восемнадцатый день рождения мне запомнился. Я встретился почти со всеми своими друзьями и был безумно счастлив! Не удалось только встретиться с Гурамом Гогия и Виталиком Железняковым, о чем, конечно, сожалею. Тем не менее, те четыре дня, что мы с сестрой провели в Славянске, запомнились нам надолго.

Ребята организовали праздник прямо посреди двора. Мы пили, ели, играли на гитаре. Все было несказанно здорово! Друзья подарили мне красивый кинжал, а сестренке игрушечного котенка в корзинке. В последний вечер перед отъездом парни нас провожали до гостиницы. Перед входом были долгие прощания, где нас с сестрой благодарили, что мы приехали. Мы обнимались и обещали, что вновь приедем. Было тяжело расставаться. Настена еле сдерживала слезы, и мы поспешили к себе в номер на второй этаж. Уже, будучи в своем номере, когда Настюшка пошла умываться, я не сдержался и заплакал. На следующее утро мы сели на автобус до Красного Лимана, а оттуда уже сели на поезд до Москвы.

Сейчас прошло уже немало лет с той поры, когда мы были в последний раз в Славянске. Потом, про этот маленький городок узнает весь мир – в Славянск пришла война. Как больно было смотреть все эти новости! Семеновку, что стояла на окраине города, сравнивали с землей. Большинство моих друзей иммигрировали в Россию, опасаясь преследования со стороны Украинской власти. Мой уютный, теплый, курортный городок стал эпицентром разрастающейся гражданской войны. И я не буду ничего писать про участие в этом конфликте Российской стороны, либо же США – все это я оставляю любителям посудачить, новостным каналам и прочим лизоблюдам, которым просто наплевать на то, что происходит на Украине на самом деле. Я очень люблю город, в котором я родился. Я люблю Славянск и всех его жителей! И я искренне надеюсь, что не только в Славянске, но и во всей Украине наконец-то наступит Мир.

И снова я в Москве. Мне уже ничего не хотелось делать. До Тюмени оставался еще целый месяц, и я решил просто отдохнуть – покупаться на речке, позагорать, посетить красную площадь и т. д.

Когда я учился в лицее, нас отправляли на практику в разные предприятия. Отец пристроил меня к себе на моторный завод, где на территории была небольшая столярка. Коллектив мне там понравился, я обжился и стал работать. Как то к нам пришел работать молодой парень лет на шесть старше меня. Когда мы переодевались в раздевалке, я не мог не заметить многочисленные татуировки на его теле. Проявив интерес к его абстракциям, он охотно мне рассказал, где и как ему их кололи и тут я загорелся! Парня звали Сергей, он пообещал, если я принесу моторчик от магнитофона, вторую струну гитары, блок питания и ручку, то он без проблем сделает для меня колющую машинку. Я все принес на следующий день и уже к полудню у меня в руках был готовый инструмент. Мне не терпелось сделать первую наколку. К счастью пацаны со двора нашли бедолагу, что изъявил желание наколоть себе абстракцию на плечо. Должен признать, что первый мой опыт был из рук вон плохим. Поэтому вторую наколку я решил наколоть сам себе на ногу. Всю ночь я прокалывал себе небольшой узор и к утру остался доволен результатом. Так я начал потихоньку увлекаться татуировкой. Рисую я не плохо, а потому с легкостью переносил нужный рисунок с бумаги на тело.

По приезду в Москву я решил сделать себе вторую наколку, чуть выше первой. В отличие от первого узора, вторая наколка была мордой орла вырывающейся из кожи. Эксперимент закончился удачей. Увидев мою наколку, сестренка попросила наколоть ей на ногу розочку. Я наколол. Затем ее подруга, которую тоже зовут Настя, попросила меня наколоть, чуть выше лобка, небольшую абстракцию – я выполнил ее просьбу. Затем еще одна подруга Мария, рабо-

тающая с сестренкой в библиотеке, попросила сделать абстракцию на копчике, а потом и ее парню на плече – скорпиона. В общем, мое лето пролетело незаметно! Переколов всех кого мог в Москве, я вернулся в Тюмень, где меня ожидал выбор – учеба или армия.

По приезду в Тюмень я также не проявлял рвения поступить в институт. Один раз пробовал поступить в шестое училище, но оказалось, что они отсрочки от армии не дают. В итоге я призадумался всерьез о службе в армии. Что меня ждет дома, если я не пойду служить? В последнее время я только и делал, что выпивал со своим другом и одноклассником Юркой Еланцевым в подъезде, брэнча до глубокой ночи на гитаре, что меня устраивало вполне. Кто-то из моего окружения начал принимать наркотики и, должен признать, это заманивало. Все говорили – попробуй уколиться один раз, тебе понравится! Параллельно с этим я часто проводил время в «нахаловке» (соседний район) с местными парнями, где мы частенько собирались у девятой школы и курили анашу. Домой я возвращался после полуночи накуранным либо пьяным. Моя мама начала смотреть мои вены, проверяя, не колосся ли я, и это сильно меня огорчало. Отношения в семье осложнились и, под всем этим прессом, я твердо решил бежать!

Говорят, от проблем не убежишь, а я решил, что смогу. Реализовать это все довольно просто – проходишь медкомиссию и идешь служить на благо Родине. Так, одним выстрелом, я избавлюсь от искушения, нечистых помыслов и своих проблемах в семье. Взвесив все, я принял решение окончательно и бесповоротно – уйду служить в армию!

Как и ожидалось, ближе к осеннему призыву, домой начали приходить повестки из военкомата. Первые две мама порвала, и мне пришлось чаще заглядывать в почтовый ящик, чтобы успеть перехватить третью. Я перехватил. Был конец октября месяца, в повестке говорилось, что я должен явиться в центральный военкомат. Параллельно со мной повестка пришла и Юрке, но на другой день. Я приехал, захватив с собой паспорт.

В военкомате толпилась кучка таких же, как и я доходяг. В повестке указывался кабинет, куда нужно прийти, как оказалось, все пацаны стояли в очереди именно туда. Я занял за крайним и пошел покурить. Очередь проходила быстро, когда дошла до меня, я прошел в кабинет, где сидела девушка. Молодая, черноволосая с круглыми очертаниями лица. Я отдал ей паспорт и повестку. Она задавала вопросы про родителей, про охоту служить в армии, про мою профессию и т. д. Опрос занял не более пяти минут. Все это время она записывала мои данные к себе в бумаги, после чего, эта милая девушка дала мне направления к врачам, коих мне предстояло пройти, и назначила дату следующего посещения. Потом нас собрали в кучку, и повели в класс проходить психолога. Насколько я помню, в первой анкете, что нам раздали для заполнения, было около двухсот вопросов на разные темы, некоторые из них повторялись в разных формах, чтобы запутать анкетированного. На все вопросы я ответил в течении получаса, потом мне дали вторую. Точно не помню, но, кажется, там были вопросы на сообразительность и скорость мышления. В общем, я старался все делать правильно. На вопрос: где бы я хотел служить, я написал: «Пограничные войска»! На тот момент я весил 58 килограммов при росте 183 см – это недобор веса, как минимум, на 15 кг. Мне вежливо объяснили, если я хочу служить пограничником, то через неделю я должен весить не меньше 65ти кг. У меня загорелась надежда.

Наутро следующего дня, мы с Юркой начали проходить врачей и сдавать анализы. Параллельно моя мама собрала все мои справки за год о моих переломанных конечностях (за один год, в разный период времени, я умудрился сломать обе ноги, правую руку, нос и пальцы, причем левую ногу в трех местах плюс вмятина в кости). Мама надеялась, что по предъявлению этих справок меня не возьмут в армию, но я ее отговорил, мотивируя это тем, что если меня не комиссуют, то уж точно в элитные войска не отправят. Всю неделю я старался кушать как можно больше и к концу недели набрал целых два килограмма! Для меня это было достижением.

Собрав все нужные бумаги и анализы, я приехал в назначенный день в военкомат. Предстоял медицинский осмотр. Как всегда толпа народу, только на этот раз все раздеты до трусов. Тесные коридоры центрального военкомата заставляли прижиматься полуголым парням друг к другу, теснясь в очередях к очередному врачу. Я разделся и занял очередь к хирургу. Находясь в ожидании, я осмотрел окружающих – все о чем-то весело разговаривали, подшучивали над сверстниками, рассказывали, как их старшие братья достойно служили в армии и, конечно же, как достойно будут служить они. Вот только тогда ни они, ни я не знали – шанс выбиться в люди, остаться человеком, и не упасть в гряз лицом, довольно мал, а вся смелость, летающая по коридорам военкомата, исчезнет в первые же дни пребывания в воинской части.

Время тянулось медленно, точно также как и очередь. Кто-то уже начал возмущаться, где то возникал нешуточный спор – кто за кем занимал. Каждый норовил поскорей пройти комиссию и слинять домой. Начался бардак. Самые наглые влезали без очереди. Благо я успел пройти всех врачей, осталось лишь посетить последний кабинет, где должны сообщить дату прихода для дальнейшей службы в рядах российской армии. Как я уже писал выше, мой друг Юра получил повестку раньше на один день, а значит, еще вчера он прошел медкомиссию и получил повестку на 15 ноября в том кабинете, куда мне предстояло зайти. Мы с самого начала хотели служить вместе, поэтому, когда здоровенный полковник написал мне в повестке 23 ноября, я попросил исправить дату на пятнадцатое. Он поднял удивленно свои густые брови и спросил:

– Сынок, у нас тут люди об отсрочки просят, а тебе, значит, служить не терпится? – полковник был приятно удивлен.

– Моего друга призывают пятнадцатым числом, хотелось бы уйти вместе, если такое возможно – оправдывался я.

– Возможно. В армии все возможно. – с этими словами, он зачеркнул прям на повестке старое число и вписал новое. – Не забудь подстричься покороче, и возьми с собой рывьно-мыльные принадлежности.

Из военкомата я выходил с непонятным мне чувством, наверное, из-за того, что через неделю мне предстояло покинуть свой дом, родителей, друзей и расстаться с такими привилегиями как компьютер, гулянки с друзьями и сладким сном до обеда. Но это все было впереди, а пока нас с Юркой ждали проводы.

ПРОВОДЫ

После школы Юра устроился на работу в офисное здание охранником через своего соседа, который был директором частного охранного предприятия (ЧОП). Работа была не пыльная, в смене находились два охранника, которые сидели на стульчике у входа, протирая штаны. Иногда пропускали через шлагбаум машины на территорию здания. Работали сутки через трое. С утра и до вечера в здании было полно народу, люди суеились, кто-то приходил, кто уходил, но как только двери закрывались по окончании рабочего дня, наступала долгожданная тишина.

В распоряжении охраны был целый холл. Слева от входа было что-то вроде комнаты ожидания: удобные кожаные кресла темно-зеленого цвета, напротив стоят журнальные столики из стекла. В конце комнаты барная стойка (она никогда не была задействована, стояла, скорей, для красоты.) На стене висел огромный плазменный телевизор – этот, в отличие от барной стойки, находился в рабочем состоянии. У стены, напротив окон-витрин, красовался огромный аквариум с единственным в нем обитателем – экзотическая рыба. Я так и не понял, что это была за рыба, но говорили, что стоила она больших денег. Размером она с взрослого карася, окрас как у зебры – в черно-белую полосочку, а плавники, словно крылья птицы, такие же большие. Справа от входа находились лишь пару кресел и стол, за которым сидит администратор. Если же, заходя в здание, вы шли прямо, то натыкались на турникет (какие стоят в метро), и пройти можно было только по пропускам. Вот эта вся территория находилась в распоряжении охраны после окончания рабочего дня. Так как Юра там был в хороших отношениях с охранниками, то наши проводы мы решили справлять там.

Проводы мы назначили на 13 число. К Юре приехали с деревни его три племянницы. Девчонки приготовили грузинское блюдо – курицу с грецким орехом. Общими усилиями наши мамы приготовили скромные салатики с бутербродами. Выпивку и закуску к пиву мы купили заранее. Ближе к вечеру мы загрузили в машину все насущное и двинули в сторону Юриной работы. Два охранника, Сашка и Марат, нас уже ждали.

Сашке было около тридцати лет, среднего роста, стройного телосложения. Говорил он мало, но по теме, а когда напивался, то мог без причинно обругать любого прохожего. В прошлом служил срочную службу на зоне, занимался в юности карате. Марат был чуть выше Александра и гораздо шире в плечах (он занимался в тренажерном зале). Годами он был моложе Саши (где то 25 лет). В общем оба хорошие парни с кем приятно пообщаться.

Гостей на проводы было не много: Сашка с Маратом, Лаптев Александр с кем учились мы в лицее, да Юрины племянницы. Правда Иван Парфенов, мой одноклассник, заскочил ненадолго, попрощался и уехал по делам. Больше мы никого и не ждали. У нас было все, что нужно: питье, закуски, гитара и, конечно же, веселая и душевная компания.

Гитару я привез с собой из дома – это была особенная гитара, на ней я научился играть. Купил я ее у своего приятеля Александра Ярунова за триста рублей еще в восьмом классе. Наша компания частенько зависала в подъездах, играя на гитаре и завывая полупьяным голосом под печальные мотивы Петлюры. Именно тогда у меня и появился интерес к игре на гитаре. Я был безумно рад приобретению шестиструнного инструмента и старался как можно быстрее научиться на нем играть. Ребята мне показывали разные бои и переборы, но у меня все выходило комом и, как то само собой, интерес к игре пропал. Гитара ушла на стенку и пропылилась там ровно год, пока однажды интерес не вспыхнул с новой силой. Я просто взял гитару и повторил все то же самое, чему обучали меня пацаны и у меня получилось. Я стал играть не сложные песни, отдавая предпочтение Петлюре, Михаилу Кругу и Сектору газа. Вскоре я завел тетрадку с аккордами, где набралось больше двухсот песен. Моя гитара имела слегка подуставший вид, и я решил ее подреставрировать, тем более, что работая в столярном цехе

мне это не представляло особого труда. Я подточил лады, и отшлифовал гриф с барабаном. Гриф окрасил в черный цвет, поменял порожек (из-за старого струны задевали лады). Для барабана я вырезал специальный узор из дерева, также выкрасил в черный цвет и аккуратно наклеил его. Затем я все вскрыл лаком на два слоя, и гитара была снова как новая! Для чего я это пишу? – я хочу, чтобы вы поняли, сколько труда я в нее вложил, потом поймете, почему.

Я достал свою тетрадку – песенник, и с удовольствием исполнял песни одну за другой, делая небольшой перерыв, чтобы смочить горло холодным пивком. Вечер проходил славно. Все дружно подпевали знакомые мотивы... все было хорошо, пока не пришел ОН!

К центральному входу подъехала темно-вишневая иномарка. Время уже было около часа ночи, поэтому, столь поздний визит, заставил нас насторожиться. Однако Марат с Александром нас успокоили, сказав, что приехал некий Слава, который работает в офисе на третьем этаже. Марат открыл дверь.

В холл зашел высокий мужчина в джинсах, коричневой кожаной куртке и заостренными туфлями. На вид ему было тридцать-тридцать пять лет (как оказалось тридцать три), острые очертания славянского лица, длинные волосы, собранные в хвостик. Своим видом он напоминал больше байкера, чем банковского работника, да и за окном стоял не мотоцикл, а вишневая Тойота «Карина». Мужчина подошел к нам и элегантно представился: – «Вячеслав!» – он явно был горд своим именем. Мы познакомились и пригласили гостя за стол, на что тот любезно согласился. Так как все присутствующие были уже изрядно пьяны, Вячеслав решил не отставать и с усилием налег на спиртное. К двум часам он уже спал на кресле, тихонько посапывая.

Ночь только начиналась.

Гитару я отложил в сторонку. Марат включил музыкальный канал, в углу экрана показывало время три часа ночи. Видимо я изрядно перепил и меня затошнило. Я пошел в туалет. Голова кружилась, словно я на карусели. Меня вырвало. Просидев рядом с туалетом минут десять, мне, наконец-то, полегчало. Алкоголь начал потихоньку отпускать, и я решил больше сегодня не пить. Умывшись холодной водой, я взглянул на себя в зеркало – ужас. Глаза впали, лицо бледно-зеленое, волосы взъерошены. В тот момент я себя ненавидел. В зеркале я видел человека, чья жизнь не имеет никакого смысла. Я открыл холодную воду на полную мощность и с головой залез под кран. Холод окутал мою голову трезвящей пеленой. Мысли быстро улетучились. Я просушил волосы под навесным феном для рук и вышел обратно в холл.

Марат с Сашкой смотрели телевизор. Слава все также спал на кресле, опрокинув голову назад. Юрины племянницы скучали на диване, по очереди зевая. Самого же Юру я не нашел. Мы с Сашей решили вызвать для девчонок такси и отправить их домой, они не возражали. Пока ждали машину, мы решили поискать Юру, так как тот долго не появлялся. Обыскали все: туалет, верхний этаж, за барной стойкой, каждый уголок дивана и даже на улице смотрели, но Юры нигде не было. Я решил позвонить ему на сотовый – номер не отвечал.

– Может он решил пойти за пивом? – предположил Марат.

– Может... – с неуверенностью подтвердил Саша.

Такси подъехало, и мы вышли провожать девчонок, на время, остановив поиски Юры. Девчата улыбались, обнимались, желая нам приятно провести время, мы же им желали доброй ночи. Когда уже последняя девушка садилась в машину, из дверей офисного здания выбежал, с взъерошенными волосами, Слава. Все резко обернулись к нему. Словно никого не замечая, Слава, с выпученными глазами, стремительным шагом, двинулся к машине, которая собиралась отвезти девочек домой, на ходу выкрикивая:

– Вы куда моих шлюх увозите!?

Такая фраза повергла нас всех в шок! Скорее всего, Вячеслав сильно перепил, и спутал реальность с чем-то другим, что ему так сладко снилось, пока он спал. Как бы там ни было, первый от шока отошел Александр и, схватив Славу за куртку, оттащил его от отъезжающей машины.

– Ты чего, Славка?! Это ж Юркины племянницы! – пытался вразумить обезумевшего Славу Саша. – это нормальные девчонки! Иди, ляг на диван, проспись.

Славу все это не убедило. Он вырвал резким движением свою куртку из рук Александра и быстрым шагом устремился обратно в здание. Мы последовали за ним. Я решил перекурить, а потому немного задержался на улице, когда же я зашел в холл, то услышал как Слава, надрывая свое горло, орал на всех присутствующих:

– Почему вы увезли моих шлюх!? Это были мои шлюхи!

– Славик, ты чо гонишь?! Не мороси! – Саша пытался его урезонить. Рядом стоял Марат, который также пытался уладить возникший конфликт словесно.

Юра до сих пор не появился. Я подошел к парням и вежливо обратился к Вячеславу:

– Слава, здесь не было никаких проституток. Тебе показалось. Те девушки из порядочных семей и я знаю их лично – это Юрины племянницы. Опомнись! Давай присядем все вместе и продолжим отдыхать. – Я уже было потянул руку к нему, чтобы пожать, думая, что инцидент исчерпан, однако Слава толкнул меня с криком:

– Иди ты на хер, сука! Где мои шлюхи?! Звони, пусть возвращаются!

Здесь мое терпение лопнуло. Так как Слава был гораздо крупнее меня и физически превосходил (не говоря уже о возрасте), я полез в задний карман своих вельветовых брюк за кастетом (когда я работал на моторном заводе, мой бригадир подогнал хороший кусок дюралюминия, из которого я и вырезал свой кастет). Нашупав холодный металл, я почувствовал себя уверенней.

– Пойдем, патлатый, я тебе покажу сейчас суку! – я направился к выходу, на ходу одевая кастет на правую руку. Мне хотелось разыграть эффект неожиданности – когда Слава бы пошел за мной, я бы развернулся и двинул ему в челюсть со всего размаха. По счастливой случайности Александр увидел, как я одевал кастет, и не дал Славе за мной пойти. Он схватил его за край куртки и отшвырнул подальше от выхода.

– Ты уже заколебал! Иди к себе наверх и ляг спать! – Саша не на шутку разозлился. Однако Слава все не успокаивался.

– Идите в жопу, уроды! – С этими словами Вячеслав кинулся Александру в ноги намереваясь сбить его, но тот увернулся и Слава с грохотом врезался в диван. Марат подошел, хотел помочь подняться, но тот его оттолкнул и снова кинулся на Александра. – Убью суку!

Дальше все происходило как в замедленной съемке дешевого боевика. Сашка схватил нападавшего за волосы и, со всей силы, двинул ему коленом в нос. Слава рухнул на колени. Из носа хлынула кровь. Сделав нелепый разворот ноги, Александр, все же, достал до Славиной головы, и тот рухнул на пол без сознания.

– Я же тебе говорил, чтобы ты пошел спать! – почему-то обиженным тоном сказал Саша.

Удостоверившись, что со Славой все в порядке, мы решили не трогать его, чтобы он выпался. Хотя слово «в порядке» означало лишь то, что он еще дышал, но, хотя бы, не кидался на остальных.

– Может, пойдем, покурим? – предложил Сашка.

Я не стал надевать куртку и вышел в одной кофте. На улице было довольно таки холодно. Машины по городу почти прекратили свое интенсивное движение. Приятная тишина и сигарета потихоньку успокаивали.

– Слушай, куда же все-таки Юрка пропал? – поинтересовался я у Сашки.

– Да найдется он, не переживай. Небось, спит где-нибудь в здании. – Саша докурил и бросил бычок в урну. – Пойдем, а то Слава еще чего-нибудь отчебучит.

Когда мы вошли внутрь, то с изумлением увидели, что Славы на том месте, где мы его оставили, нет. Зато пятна крови, что лилась из его носа, вели на второй этаж. По следам крови мы дошли до лестницы и увидели, как пьяный Слава ползет по ней наверх.

– Может, поможем ему? – спросил я у Сашки.

– Пусть ползет. На третьем этаже у него там диван, может, выпится хоть.

Мы прошли в центральный холл, где Марат с Лаптевым смотрели телевизор. Сашка налил по стакану пива мне и себе. Я взял бокал и пошел к центральному выходу, чтобы посмотреть, не идет ли Юра. Простоял я у дверей около пяти минут, как вдруг, за моей спиной я услышал голос Вячеслава:

– Обернись, сука!

Я обернулся. Прямо передо мной, в двух шагах, стоял Слава и направлял мне в лицо пистолет. Я напрягся. Дуло пистолета смотрело мне прямо в лоб. Не могу сказать точно, что я тогда почувствовал, но страшно, почему-то не было. Скорее было удивление – какой же этот Слава неугомонный! Его глаза источали ярость, на лице гримаса гнева. Я даже слышал, как тяжело он тогда дышал.

– Убери ствол, Слава. – тихо сказал я и медленно сделал на встречу Вячеславу один шаг.

– Завалю суку! Не подходи! – зарычал Слава, и руки его задрожали.

Вот тогда-то я и забеспокоился, что в дрожащих руках пистолет мог выстрелить. Слава сильно нервничал. Я даже мельком допустил ту мысль, что могу быть застрелен не в армии, а на своих проводах. Приятного в этом, скажу я вам, очень мало.

На Славин крик прибежали Сашка, Марат и Лаптев. Марат и Лаптев остолбенели, увидев, как пьяный и злой Слава направил на меня пистолет. Сашка же среагировал мгновенно, достав из кармана свой газовый пистолет, и, направив дуло на Славу, громко сказал:

– Убери пистолет, Слава, а не то я выстрелю!

Слава покосился в сторону Сашки и, увидев в его руках пистолет, занервничал еще больше.

– Я вас всех завалю! – истерично кричал Слава и направлял пистолет то на меня, то на Сашу.

– Если не опустишь ствол, я выстрелю! – уверенно сказал Саша.

И Слава сдался. Как только он опустил пистолет, я тут же подскочил и выхватил ствол из его рук. Марат подбежал к Славе и ударил его по лицу. Слава рухнул на пол.

– Ты что ж сука вытворяешь?! – кричал Марат и, сев сверху на Славу, начал его бить кулаками по ребрам.

Я внимательно осмотрел пистолет. С виду точная копия Макарова, но это был всего лишь пневматический пистолет. Я облегченно вздохнул. Таким пистолетом очень трудно убить человека, даже если попадешь в глаз. Но и Кутузовым быть не хотелось (если вы понимаете, о чем я).

– Марат, не бей его. Ствол пневматический. – сказал я Марату.

Марат же, как только меня услышал, решил сделать последний удар Славе по ребрам. И удар получился очень сильным. Мы слышали отчетливый хруст. Марат вскочил и испуганно посмотрел на лежащего без сознания Славу.

– Кажется, я ему ребра сломал! – сказал Марат и начал суетиться. – Что теперь делать? Я ему ребра сломал!

– Да успокойся ты! Не голову же ты ему сломал! – успокаивал Марата Сашка. – Давайте лучше его на диван положим.

Мы вчетвером подняли Славу с пола и положили его на диван.

– Это не Слава, а бессмертный какой-то! – с удивлением сказал Лаптев. – Его бьют, а он встает и снова лезет! Не удивлюсь, если он скоро проснется и начнет опять кидаться.

Слова Лаптева оказались пророческими. Через пятнадцать минут Слава проснулся. Оглядев всех присутствующих злобным взглядом, он встал и пошел в мою сторону. Подойдя ко мне вплотную, он взял меня за воротник кофты и начал орать, брызгая слюной:

– Вы что со мной сделали, педерасты!?

Я взорвался. Так мне еще ни один человек не надоедал, как этот тридцатитрехлетний мужик. Я ударил его по рукам, освободившись от захвата, и, схватив Славу обеими руками

за кофту, потянул его на себя и ударил коленом в живот. Слава согнулся. Тогда я отошел на шаг назад и со всего размаху ударил Славу ногой по лицу, словно по мячу футбольному. Слава попятился назад и, потеряв равновесие, упал на диван. Но и это не останавливало бессмертного Славу! Он соскочил с дивана и побежал напрямик на Лаптева. Лаптев же отпрыгнул в сторону и, схватив Славу за руку, по инерции толкнул его вперед. Слава пробежал пару метров и кубарем покатился по холлу, где стукнулся головой о стол администратора. У стола он встал и начал орать как бешенный:

– Вам конец! Вам всем конец!

Потом Слава снял с себя, зачем-то, кофту с футболкой, оголив свой торс, и снова пошел на нас в атаку.

– Слава, успокойся, тебе говорят! – пытался убедить Сашка идущего в его сторону разъяренного Славу.

Но на Вячеслава слова не действовали. Он только еще больше ускорился в Сашкину сторону и поднял кулаки для готовности к драке.

– Слава, да не хочу я с тобой драться! – отойдя на шаг назад, сказал Сашка.

Но Слава лишь только еще ближе подошел к Сашке и замахнулся правой рукой, чтобы его ударить, но Саша увернулся и ударил того кулаком в челюсть. Слава лишь помотал головой и снова пошел в атаку. Вот тогда-то Саша и достал из-за пояса электрошокер. Мы все не верили своим глазам, когда Саша схватил правую руку Славы и, задрав ее вверх, прижал электрошокер к его подмышке и пустил разряд. Славу затрясло. Секунд пять Саша держал шокер подмышкой у Славы, а когда убрал, то тот, в очередной раз, рухнул на пол и затих.

– Ты его убил? – тихо спросил Марат после недолгой паузы.

– Не знаю. – ответил Сашка, и стал нащупывать пульс у Славы. – Вроде живой.

– Может ему скорую вызовем? – предложил Лаптев.

– Ага, а заодно и милицию! Нас тут мигом всех уволят! – возразил Саша.

Тут за нашими спинами раздался чей то голос:

– Вы чего со Славой сделали?

Мы дружно обернулись и увидели Юру с заспанным лицом.

– Ты где был? Мы тебя везде искали! – спросил я у Юрки.

– Да я на подоконнике спал, за шторкой. Со Славой то чего?

И мы рассказали Юре все с самого начала от того момента, когда Слава обозвал его племянниц шлюхами, и до момента, когда Саша ударил его шокером.

– Ну, вы даете! – оценил наши действия Юрка.

– Ну и что теперь будем делать с ним? – спросил нас Лаптев, кивая головой в сторону лежащего Славы.

– Я его вообще уже трогать боюсь, а то вскочит опять, громила долбаный! – высказал свое мнение я.

Слава зашевелился. Все это напоминало мне фильм ужасов, где главного маньяка сотни раз бьют по голове, а он все встает. Вот и Слава вставал тогда перед нами, постанывая. Мы уже были готовы к очередному поединку с этим неугомонным персонажем. Сашка потянулся к электрошокеру, но Марат тут же выхватил шокер у него из рук.

– Хватит с него уже твоего шокера! И так весь холл паленными волосами воняет! – сказал укоризненно Марат.

Слава поднялся. Он поправил свои длинные волосы на окровавленном лице и внимательно посмотрел на каждого из нас.

– Вы чо здесь делаете? – с удивлением спросил нас Слава.

– Дак мы это... отдыхаем тут. У Мишки с Юркой же проводы. Ты забыл что ли? – выкручивался Сашка, понимая, что Слава ничего не помнит.

– А почему у меня лицо в крови? – глядя на свои руки, спросил Слава.

– Ты упал. – тут же среагировал Марат.

– Упал? – как бы, не веря в слова Марата, переспросил Слава.

– Ну да. Упал. – подтвердил Марат.

Мы снова все расселись на диванах. Я взял гитару и начал петь. Сашка разлил пиво по бокалам и все дружно, даже Слава, начали мне подпевать. Не помню сколько точно мы так хорошо сидели, может полчаса, а может и меньше, до того момента когда Славу снова замкнуло. Он, ни с того ни с сего, подорвался и накинудся на Юру. Мы оторопели. Вот только что все было хорошо, и на тебе!

Юрка вместе со Славой упали с дивана и продолжили борьбу на полу. Слава навалился всем своим телом на Юрку и пытался ударить его по лицу, но Юра прикрывался руками. Первым вмешался Марат – он схватил обеими руками Славу за горло и оттащил от Юры. Юрка мигом вскочил и, подбежав к Славе, со всей злости, ударил его по лицу кулаком. Слава вырвался из захвата Марата и ринулся на Юрку, при этом он ревел как медведь. Но Сашка встал перед Юркой и, когда Слава был на расстоянии удара, то Саша сделал проникающий удар ногой в живот и Вячеслав согнулся. И, раз уж удары ногами и кулаками не были столь эффективными, чтобы свалить Славу, то Саша решил, что нужно ударить чем-то крупным. Тогда-то я и заметил Сашкин взгляд – он бегло осматривал вокруг себя, ища предмет, подходящий для удара. Сашкины глаза остановились на моей гитаре. На гитаре, в которую я вкладывал душу, когда ее реставрировал. И поняв, что Саша остановил свой выбор на моей гитаре, я только успел выкрикнуть:

– Саша, не надо!

Но Сашка меня уже не слышал. Он схватил мою гитару и, когда Слава выпрямился, и встал, в аккурат рядом со стеной, Саша, хорошенько размахнувшись, ударил его прямо в зубы торцовочной стороной гитары. Послышался треск дерева. От такого сильного удара Слава опрокинул голову и стукнулся о стену затылком, после чего он упал на колени, и, чтобы не упасть на пол, облокотился о стеклянный журнальный столик. Саша снова замахнулся гитарой, но Слава соскользнул со стола и рухнул на пол, а удар гитары пришелся четко на стеклянный стол. В итоге и гитара и стол, были вдребезги. Слава уже не вставал.

– Ну, точно бессмертный! Джейсон Вурхиз, мать его! – тихо сказал Лаптев.

– Теперь нам пиздец! – сделал вывод Марат, глядя на разбитый журнальный стол, который, на то время, стоил около двенадцати тысяч рублей.

Марат с Сашкой поняли, что этот инцидент с Вячеславом уже никак не скрыть перед начальством. Время уже было пять утра. Я, Юрка и Лаптев пошли по домам, как велел нам Сашка, чтобы не светиться перед начальством. Перед уходом мы собрали остатки гитары и бутылки с посудой. Марат надел на лежащего без сознания Вячеслава наручники, а Сашка, тем временем, позвонил начальнику охраны и доложил о случившемся.

Начальник охраны приехал через двадцать минут. Перед его глазами была такая картина: по всему холлу разбросаны бумаги, видимо со стола администратора, разбитый стеклянный стол, везде следы крови, на полу весь в крови лежит в наручниках Слава, а рядом с ним Марат с Сашкой с невинными лицами.

– Вы что тут устроили?! – заорал на Сашку с Маратом начальник.

– Понимаете... – хотел было объясниться Марат, но начальник его перебил.

– Почему Вячеслав в наручниках?! Быстро расстегните его! – приказал начальник.

Марат снял наручники с Вячеслава.

– А теперь постарайтесь мне объяснить, что тут произошло. – зло, сквозь зубы процедил начальник.

– Слава ночью пьяный приперся. Начал махать пистолетом, ну мы его и обезоружили. – протороторил Сашка выученную накануне фразу для оправдания, показывая отобранный у Славы пистолет.

– Вы чо мне втираете? Я, по-вашему, Вячеслава не знаю? Он один из примерных сотрудников! – возмущенно сказал начальник. – Это от вас алкоголем прет? Ну-ка дыхните!

Сашка с Маратом поняли что «попали», но их спасло чудо. Чудо по имени Вячеслав. Слава с ревом вскочил так неожиданно, и кинулся на начальника охраны с криками: «Убью суку!». Начальник начал бегать вокруг Сашки с Маратом, а Слава за ним, махая руками.

– Уберите его от меня! Уберите! – кричал истерично начальник.

Марат с Сашкой схватили Славу и пристегнули его наручниками к батарее.

– Никогда бы не подумал, что такой ценный сотрудник может так себя вести! – поправляя галстук, сказал начальник. – А вам, парни я выпишу премию за оперативную работу. Молодцы!

Начальник пожал руки Сашке с Маратом и поблагодарил за отличную службу. Так, неожиданно для себя, парни остались на работе и получили премию за то, за что должны были их уволить. Через неделю уволили Вячеслава, попросив написать его по собственному желанию. Ничего не помня, Слава извинялся перед Маратом и Сашкой за тот вечер. У Славы же, после той ночи, были выбиты передние зубы, сломан нос и два ребра.

Так мы отметили наши с Юркой проводы.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕНКОМАТ

Утром 15 ноября меня разбудила мама. Наверное, если бы я опаздывал в школу или на работу, то мама бы меня будила по другому, но сегодня на ее лице отображалась грусть. Она не тормошила меня как обычно, а тронула тихонько за плечо со словами:

– Вставай, сынок. Тебе сегодня в армию.

После таких слов мне стало немного не по себе. Как будто все эти медкомиссии, повестки, проводы – все это лишь игра, в которой не осознаешь до конца суть происходящего. Но сегодня все по-другому. Сложенная сумка с продуктами и рыльно-мыльными принадлежностями стояла в углу, словно напоминая о моем скором отъезде. Мне как то не верилось, что выходя за порог своего дома, меня не будет здесь два года. Теперь же, я мысленно распрощался со своей гражданской одеждой, с привычным мне компьютером, с мягким диваном и ленивым распорядком дня. Все вокруг выглядело по-другому.

Я позвонил Юре домой, он уже собирался выходить в сопровождении родителей и трех племянниц. В отличии от меня, Юра собирался ехать на маршрутке, у нас же была машина, поэтому я вышел чуть позже. Мы недавно купили ВАЗ 2106 темно-синего цвета (разумеется, поддержанную). В роли водителя у нас была мама, так как права были только у нее. Да и мечта сесть за руль, посещала только мою маму, так как она ей грезилась еще с Украины.

Через полчаса я с отцом и мамой уже стоял у центрального военкомата. Среди толпы призывников и их провожающих я нашел Юрку. Мы сфотографировались на память рядом с военкоматом вместе с Юркой и его племянницами. На фото мы оба лысые, довольные ребята, которых ждет путешествие длиною в два года (я тогда не еще не знал, что мне придется задержаться немного дольше).

Из военкомата вышла женщина-врач и позвала всех призывников зайти вовнутрь. Там мы столпились около кабинета, где сидели две женщины в белых халатах, и двое мужчин – один в халате, а другой в военной форме. Нам всем раздали по пластиковой баночке и приказали их наполнить для проверки анализа мочи на наркотические вещества. Среди призывников началось откровенное недовольство. Кто-то боялся, что у него в моче найдут остатки наркотиков, которые он употреблял на своих проводах, а я же просто не хотел в туалет. Нас никто о подобной ситуации заранее не предупреждал, и поэтому я сходил в туалет, перед тем как ехать в военкомат. Соответственно, я же не могу писать каждый раз, когда это нужно кому-то. В общем, через полчаса уговоров и споров каждый писал в баночку, сколько смог, кроме меня. Для меня вообще сходить в туалет – это очень интимное. Поэтому, когда нам сказали писать в баночку не в туалете, а в тамбуре между входными дверями, я возразил:

– Почему нельзя в туалете писать? – спросил я у женщины в белом халате.

– Много чести тебе будет! Давай уже иди, писай, а то только тебя ждем одного! – возмущалась женщина врач.

Парни начали по одному ходить в тамбур и там писать в баночку. Я писать совсем не хотел и поэтому попросил отца сходить за минералкой, чтобы наполнить свой мочевого пузырь. В итоге, я выдузил полтора литра минеральной воды. Но так сразу писать я все равно не мог. Когда все призывники уже побывали в тамбуре, настала моя очередь.

Я взял свою баночку и пошел в тамбур. Между двумя деревянными дверями (одна с улицы, другая в здание) расстояние было около полуметра. Я встал, прикрыл за собой дверь и попытался пописать в банку. Как только у меня начало получаться, дверь с улицы открылась и в тамбур вошла молодая девушка в военной форме. Я мигом спрятал свой «агрегат» в штаны и покраснел. Девушка же только ухмыльнулась, открыла дверь, ведущую в коридор военкомата, и скрылась за ней. Я был в шоке. Писать там, где ходят люди, для меня было дико. Я вышел из тамбура и снова обратился к той женщине в халате:

– Я в вашем тамбуре ссать не буду!

– Ты мне еще условия ставить будешь! – начала она кричать.

– А что вы на меня орете? – с повышенным тоном спросил я. – Я вам что собака, чтобы ссать где попало?! Да у вас там люди ходят! Заранее надо было говорить, а то я уже сходил до вас в туалет!

В разговор вступил мужчина в халате:

– Пойдем со мной. – обратился он ко мне.

Мы прошли с ним к соседнему кабинету. Мужчина открыл дверь своим ключом, и мы вошли.

– Я сейчас закрою дверь и выйду, а ты постарайся хоть немного пописать. – спокойно сказал мне мужчина и вышел.

«Надо же, весь военкомат ждет, когда я пописаю!» – с иронией подумал я. Жест мужчины-врача был благородным. Он понял, что я все равно, не смотря на крики той женщины, не смогу сходить в туалет в том тамбуре, и сделал для меня исключение. Почему же все писали в тамбуре? Видимо врачи опасались, что в туалете призывники начнут обмениваться своей мочой, чтобы не выявить наркотики, и поэтому все писали в тамбуре по одному. Почему нельзя было ходить в туалет по одному, я так и не понял. В общем, я смог немного наполнить ту проклятую баночку мочой. Через пять минут врач открыл свой кабинет, и я передал наполненную баночку ему.

– Ну, вот и молодец! – похвалил меня врач.

Нас было пятнадцать призывников, и только у одного в моче выявили наркотик. Его сразу отсекли от остальных. Не знаю как решилась дальнейшая судьба того паренька, но вряд ли его ждало что-то приятное. Оставшихся призывников построили в одну шеренгу перед крыльцом центрального военкомата. Четырнадцать парней с сумками стояли и смотрели на своих родителей и друзей, что пришли их провожать. Нам всем тогда было весело. Мы улыбались и шутили. Говорили своим близким, что время пролетит, и не заметишь, как мы уже дома. Никто тогда не осознавал, что совсем скоро мы окажемся в мире, который не похож на тот, в котором мы привыкли жить. Мир, который нас ждал, был абсолютно далек от того, который мы знали. Мир со своими понятиями и уставами. Со своей дисциплиной и распорядком дня.

Из военкомата вышел мужчина в военной форме. Это был военком полковник Моторин. Встав перед нами, он начал говорить:

– Значить так, товарищи призывники. Сейчас вы строим, не разбредаясь, по дороге, идете в сопровождении товарища сержанта. – Моторин показал рукой в сторону, где стоял щупленький сержант. – Пойдете вы в областной военкомат, откуда вас уже будут распределять. – военком повернулся к провожающим. – А вы, господа провожающие, прощайтесь здесь. За призывниками ходить не нужно. Я вам даю еще пять минут времени, чтобы попрощаться. Потом, если в первый день вашего сына не заберут из областного военкомата, вы сможете ходить к нему на свидание.

И мы начали прощаться. Мамка заплакала. Мне стало не по себе. Отец же наоборот улыбался и всячески меня подбадривал. Я говорил, что все будет хорошо, и что я очень скоро вернусь домой. Я думал, что так оно и будет. Время ведь летит очень быстро. Вот только когда ты хочешь ускорить время, оно наоборот, назло тебе, тянется очень медленно. Те пять минут прощания пролетели как одна минута, и мы услышали громкий приказ сержанта:

– Призывники, строиться!

Мы построились и пошли в областной военкомат под одобрительные крики провожающих. Я не оборачивался, чтобы посмотреть на своих родителей. Я знал, что мама плачет, а отец уже не улыбался. Все что я хотел, это быстрее добраться до областного военкомата и сходить в туалет пописать, так как полтора литра минералки начали проситься наружу.

ОБЛАСТНОЙ ВОЕНКОМАТ

Областной военкомат находился на сужении улиц республики и Ленина, около моста влюбленных. Шли мы до него недолго, около двадцати минут.

Наконец, мы подошли к черным кованым воротам, которые я сотни раз видел, проезжая мимо на автобусе, но никогда не думал, что мне доведется пройти через них.

Ворота открылись, и мы прошли во двор. Звук закрывающихся ворот за спиной заставил невольно обернуться. Парень в военной форме, что закрыл за нами ворота, встретил мой взгляд и ехидно ухмыльнулся. Мне стало немного не по себе. Вообще странно получалось, ты, вроде бы как, в своем городе, но абсолютно в другом мирке – как матрешка, состоящая из одной фигуры, но скрывающей под собой еще множество других. Так и здесь – мы словно переместились на десятки лет назад во времена октябрьской революции. Постройки были очень старыми, штукатурка сыпалась со стен. Я уж молчу про революционный красный цвет, в который была выкрашена двухэтажная казарма и прочие постройки военкомата. По правую сторону были боксы с пятью огромными воротами для тяжелой техники. Справа от боксов, как потом оказалась, был туалет (про него напишу отдельно, он это заслужил). Слева от боксов небольшое крылечко. Далее буквой «П» по всей площади растянулось двухэтажное здание, которое вмещало в себя казарму, штаб, столовую, склад и прочие нужды армейского быта. Единственное, что дышало современностью в этом здании – это кондиционеры, висящие по всей длине постройки.

Вообще, покопавшись в архивах, мне было интересно, какого года постройки это необычное здание. Оказалось, что в середине 19 века (1822 год) это здание спроектировал архитектор Малышев, изначально запланировав Гостиный двор. Потом проект отложили в долгий ящик и, спустя 15 лет, за него взялся другой архитектор – Александр Суворов. В итоге, в 1848 году, с некоторыми изменениями в проекте, была построена северо-восточная часть здания. И уже только к началу двадцатого века военное ведомство взяло сооружение под свой контроль и перестроило двор под себя.

Сам двор представлял собой большую заасфальтированную площадь. По левую сторону красовалась белой краской разметка, по которой молодые бойцы учились правильно ходить строевым шагом. С правой стороны, стояли лавочки в три ряда, а перед ними небольшой деревянный пьедестал. Мы, впоследствии, проводили свидания с родителями, расположившись на этих лавочках, но истинное их предназначение, как я думаю, было для проведения уроков на свежем воздухе, и на случай культурно-массовых мероприятий, что-то типа уличного клуба. Ну, а прямо за лавочками красовались турники с брусьями, без которых ни одна часть не обходится, что совершенно правильно.

Нас повели в сторону маленького крылечка, что у боксов. Мы зашли вовнутрь. Там нас ждали двое мужчин в военной форме, и один нетрезвый призывник. По правую сторону было что-то типа клетки, возможно комната хранения оружия, но я могу и ошибаться. За железной серой решеткой стоял пьяный парень. Он кричал матом, бился о стену, посылал двоих вояк, что нас встречали, куда только фантазии хватало. Насколько я понял, тот неадекватный парень был такой же, как и мы призывник. Скорее всего, он бегал в самоволку, и, либо его поймал и привел патруль, либо он уже пришел в таком состоянии. Как бы то ни было, особо с ним церемониться не стали, и заперли в ту самую клетку, чтобы он не докучал воякам.

А пока пьяный горе-призывник усердно ругался матом, двое военных заставили нас по очереди выкладывать содержимое наших сумок. Мы стали выкладывать на стол все, что посчитали нужным с собой взять. Однако военные наши нужды не оценили, особенно, что касалось еды. Все продукты, типа курицы, сала, колбасы, сыров и прочего, вояки у нас изымали.

– Как же так? – возмутился кто-то из парней тому, что у него отобрали целую тушку копченой курицы.

– Не положено! – коротко отвечал нам военный.

– На твое «не положено», х...й положили! – тут же парировал пьяный парень, чем всех нас развеселил.

– Ты давай помалкивай там! – огрызнулся военный.

– А то что?! – не унимался пьяный призывник.

Но военный решил больше не ввязываться в словесную перепалку.

В общем, у нас отобрали все продукты, что давали нам с собой родители. Телефоны, кто брал с собой, тоже изымали, но их потом отдавали нашим родителям.

После того, как у нас отобрали продукты, нас повели в казарму.

Внутри казарма соответствовала той внешней старине, которая нас встречала. Стены, покрашенные уже сотни раз, отваливающаяся краска, старые, пошарканные деревянные полы. Мы поднялись на второй этаж. Огромное помещение с, аккуратно расставленными в ряд, двухъярусными кроватями. По правую сторону, при входе, располагались тумбочки. Что ж, это было нашим расположением, где мы должны будем жить до тех пор, пока за нами не придут покупатели (так называют людей, которые забирают тебя из военкомата для дальнейшего прохождения службы).

В расположении уже были призывники, которые приехали до нас. Парни сидели на стульчиках, что стояли рядом с заправленными кроватями. Садиться на кровать никому не разрешали.

– Располагайтесь. – сказал нам сержант, который привел нас сюда.

Мы с Юркой далеко ходить не стали и прошли прямо по коридору, что напротив входа.

– Здесь не занято? – спросил я у парней, что сидели на табуретках, указывая на два свободных стула.

– Нет. Присаживайтесь. – дружелюбно ответили ребята.

Мы присели с Юркой на табуретки, как остальные парни. Немного оглядевшись, мы начали знакомиться друг с другом. Большинство ребят были местными. Кто-то был из Тобольска, кто-то из Заводоуковска, с Исетска. Многие парни приехали в военкомат не так давно, но были и те, кто жил здесь почти месяц.

– Как месяц? – удивился я.

– Да вот так. – отвечал мне тоболяк. – первые две недели за нами никто не приезжал. Потом мы чем-то траванулись здесь. У многих болели животы. В общем, провалялись еще недельку, переболели, просрались. Вот и месяц набежал.

– Чем же вы тут весь месяц занимались? – не унимался я с расспросами.

– В основном сидим на этих долбанных табуретках. Ложиться на кровати нам запрещают. Три раза в день ходим в столовую. По воскресеньям нам показывают фильм через проектор. А так, ничего особенного.

Позже ребята подсказали нам, чтобы мы убрали свои личные вещи в свободные тумбочки, а то мы так и сидели с ними.

– Только поглядывайте за своими вещами. Тут сержанты вечером по тумбочкам шарятся – уроды.

Мы выбрали с Юркой одну свободную тумбочку, чтобы она была в поле зрения с того места, где мы будем спать.

Мы просидели на табуретках где-то два часа. Затем пришли два сержанта и приказали построиться на улице у крыльца тем, кто, только что, прибыл.

Мы вышли. Нас построили, и повели в соседнее здание. Как оказалось позже, нас повели на очередную медкомиссию. Мы раздевались до трусов и ходили по врачам. Но на этот раз, все было куда быстрее обычного. Я прошел всех специалистов за двадцать минут. Послед-

ний врач заинтересовался моими татуировками на левой ноге, после чего сделал пару заметок у себя в документах. Мне объяснили, что в элитные войска с татуировками не берут – не знаю, насколько это правдиво, но в элиту я так и не попал.

После врачей нам разрешили покурить на улице у крылечка. Пока мы не были особо знакомы друг с другом, и каждый держался особняком. Мы с Юркой держались друг друга.

На горизонте замаячил невысокий мужчина в каракулевой шапке, в камуфлированном тулупе с большим голубым воротником, и в синих штанах с красными полосками – лампасами.

– Пацаны, генерал идет! Быстро строиться! – засуетился один из парней.

– Зачем строиться? Заняться не чем, что ли? – спросил я у того суетливого паренька.

– Да ты чего!? Это ж генерал! Нам конец, если не построимся! – наводил суету паренек.

– Ну, не нам, а сержантам, которых нет. А нас строиться еще никто не учил. Да на нас даже формы нет, чего вы забегали?!

Но меня никто не слушал. Под воздействием того ретивого паренька, который сеял смуту, все забегали, не зная, куда и как вставать. А сам парень не растерялся, и начал командовать! Я стоял в сторонке и смотрел за тем, как нелепо получалось у ребят создавать подобие строя. А генерал все приближался.

– Парни, да не гоните вы. Ему вообще на вас плевать! – попытался я, в последний раз, переубедить ребят.

– Ты лучше к нам встань! – крикнул кто-то из строя.

– Без меня. – коротко ответил я, и продолжил курить вместе с Юркой в сторонке.

Когда генерал поравнялся с нами, тот суетливый паренек приложил руку к своей голове (пустой, между прочим – без головного убора), другие же ребята задрали подбородки вверх, и замерли по стойке смирно.

Генерал прошел мимо, даже не взглянув в их сторону. Зато бросил кроткий взгляд на нас с Юркой, но, ничего не сказав, пошел дальше, своей дорогой.

– Вольно! – скомандовал суетливый паренек.

– Вот тебе и жопализ будущий. – подмигнул я Юрке, кивая в сторону паренька, который возомнил себя командиром.

– Ага. – согласился со мной Юрка.

Чуть позже вышли сержанты. Многие из нас попросились в туалет. Сержанты указали нам в сторону угла боксов и забора.

Таких туалетов я еще не видел. Не знаю, может, у меня одного заморочки такие, по поводу туалета, но все желание сходить в туалет пропало сразу, как только я зашел внутрь. Это было помещение три метра в ширину, и метров пять в длину. Никаких стеновых перегородок не было. Справа в бетонной плите пять отверстий для нужды по большому, а слева один большой желобок, чтобы туда мочиться. Повсюду нассано, везде размазано дерьмо, валяются бумажки, бычки от сигарет. Вонь стояла ужасная!

Над теми пятью дырками, что были в бетонной плите, сразу уселись пять призывников. Другие выстроились у желобка и начали мочиться. Я пристроился рядом с парнями и попытался пописать. Вот стою я, а сзади на себе чувствую взгляд всех пятерых, кто сидят и давят из себя свой домашний ужин. Им просто смотреть больше не на что, кроме как на тех, кто стоит перед ними. Я не мог собраться и начать писать. Потом, позади себя, я услышал целый оркестр из пяти тромбонов, которые гудели в унисон. Я спрятал свой «агрегат» обратно в штаны, и вышел на улицу.

Дождавшись, когда все выйдут из туалета, я вернулся обратно в то страшное помещение и, наконец-то, пописал.

Настало время обеда. Всех призывников построили на улице, и повели в столовую. Обычная столовая, как в любом муниципальном учреждении – лавочки, столы, все как везде. Разве

что армейские плакаты на стенах давали понять, что мы не в школе. На обед был жиденький супчик.

После обеда нас привели обратно в казарму. Ближе к вечеру всех пересчитали по фамилиям. Убедившись, что все на месте, в девять часов дали команду отбой. Здесь вообще интересно было – постельное белье нам никто не выдавал. Не было его и у других ребят. Может не положено, я не знаю. Но мы спали в одежде.

В шесть утра нас подняли сержанты. Мы взяли из тумбочек свои рыльно-мыльные принадлежности и спустились вниз в умывальник. Если кто-то экономит на воде, то это областной военкомат! Хотя счетчиков на воду тогда еще и не было, но тот напор воды, который шел из краников в умывальнике, многих заставил улыбнуться. Чтобы набрать в ладошки водички и умыться лицо, приходилось ждать по полминуты. Вода ледяная. В общем, с горем пополам, мы умылись.

Потом был завтрак. После завтрака нас учили маршировать по плацу. Все это выглядело немного нелепо. Большинство ребят нарочно не маршировали, считая эту затею глупой. Тех, кто совсем не маршировал, сержанты отправляли на уборку туалета (того самого). Провинившимся давали метелку, и ребята приступали выметать бычки с дерьмом.

В областном военкомате мы все ждали, когда за нами приедут покупатели. Покупателями мы называли людей, которые приезжали из разных уголков нашей необъятной родины, чтобы отобрать для своей воинской части новобранцев. То есть, военкомат для нас, как распределительный пункт. Каждый день к нам приезжали покупатели и забирали ребят. В наших рядах редело. За нами с Юркой пока никто не приезжал. Шел третий день пребывания в военкомате.

А вот на третий день была свиданка. Ворота военкомата открылись, и родители повалили толпами. Свидание было для всех. Если к кому-то не приезжали родители, то ребята тихонько курили в сторонке. К нам с Юркой родители пришли. Папка с мамой принесли мне курочку и крабовый салат. Так как брать с собой еду не разрешали, я начал уплетать все прям на улице. Невероятно, как я соскучился по домашней пище всего за три дня! А что будет через год? Хотя, тогда, я и не думал об этом. Я все смел, словно целый день ходил голодный. Через полчаса свидание закончилось. Такие свидания были пару раз, а может и раз, в неделю. Сейчас трудно вспомнить.

В воскресенье нас повели смотреть кино. На небольшом полотне показывали, через проектор, военный фильм про вторую мировую. А вот после фильма, нам обещали особенного гостя – ветеран Великой Отечественной Войны.

В помещение зашел полусгорбившийся, седой дедушка. В руках его была старая, потертая тросточка. На груди его серого пиджака висело множество боевых наград. Мелкими шажками, словно преодолевая тяжелый барьер, дедушка дошел до стула и присел.

– Здравствуйте, ребята! – поздоровался с нами ветеран.

Мы все поздоровались в ответ.

Цель визита ветерана была очевидна – поднять в нас патриотический дух. Мы молодые, горячие, глупые, мало чего повидавшие в этой жизни пацаны. Перед нами же пожилой, опытный старец, который прошел войну. Причем сейчас, когда говорят, что человек прошел войну, молодежь реагирует, как-то нейтрально, что-то типа: «Войну? А, ну круто.» То есть, как будто, так и нужно. Никого уже не удивляет, что этот человек прошел войну. Словно не на войне он был, а ходил в поход. В поход? А, ну круто... Нет, совсем не круто. Я понимал тогда, что перед нами сидит человек, который своими глазами видел все ужасы войны. Видел смерть своих друзей. Видел, как людей снарядами на части разрывало. Как солдаты в окопах голодали. Как все любимое и дорогое, разрушалось в считанные секунды одним точным попаданием. Столько боли, страха и ненависти, сколько испытал тогда ветеран, в наше время, наверное, не испытывал никто.

В то воскресенье, дедушка рассказывал нам, как когда-то, он сам призывался в армию. Как молодые мальчишки, не достигшие восемнадцати лет, уходили на фронт. Как война забирала самых близких людей. Как бомбы вспахивали землю. И как страшен гул самолета, если знать, что это не советский лайнер.

– Помнится, мы шли в наступление. – рассказывал нам ветеран. – Чтобы добраться до противника, нам нужно было пересечь поле. Мы вышли из лесополосы и оказались на открытой местности. Противника впереди не было видно, да и по сообщению разведки – в радиусе трех километров немцев не было. Шли мы, не спеша, опасаясь, что поле может быть заминировано. Но мин на поле не было. Бояться нам тогда нужно было другого, о чем мы еще и не знали, но уже начинали слышать. Какой-то странный шум, еле уловимый, стоял в ушах. Шум этот все нарастал, а потом и вовсе превратился в гул. Небо плохо просматривалось из-за туч. Но, уже через минуту, мы в ужасе подняли головы и увидели, как сотни немецких самолетов, вылетая из-за туч, оказались над нами. Командиры кричали: «Воздух! Воздух!». Мы легли на землю и прикрыли головы руками. Конечно же, это не спасало от прямых попаданий бомб, но, если снаряд упадет рядом, был шанс, что осколками не посечет. Дальше был ад. К страшному гулу добавился, не менее страшный, свист. Это бомбы падали на нас. А затем взрывы. Бу-бух! Бу-бух!... – ветеран на секунду задумался, отведя взгляд куда-то в окно. – Сколько же наших ребят тогда погибло. Кого-то и вовсе не нашли – разорвало на кусочки. Я лежал, трясаясь от страха, и боялся поднять голову. Казалось, что вот-вот, бомба упадет на меня, и я умру. В те страшные минуты я не думал ни о маме, ни о доме – я просто хотел выжить. А потом бомба упала рядом со мной... Осколками мне посекло ноги, и, немного, зацепило спину. После того, как гул, свист и взрывы стихли, на поле были слышны только крики и стоны. Я один из немногих, кому удалось в тот день выжить. Молодые девочки-санитарки, выносили нас раненых с полей. За мертвыми возвращались в последнюю очередь. Ну, а в санчасти мне налили спирту, и сказали терпеть. Так, на живую, и удаляли те осколки. Один осколок хирург мне так и не вытащил. Вот и хожу, звеню через рамки эти, как их... металлоискатели.

Вечером, этого же дня, мы курили в курилке, незадолго до отбоя. Ребята попросились в туалет, ну и сержанты разрешили нам всем выйти покурить. Ко мне подошли двое парней, тоже тюменцы.

– Слышь, друг, не уделишь минуту времени? – обратился один из них ко мне.

– Что нужно, парни?

– Тут такое дело – сержант в самоволку хочет сбегать ночью, а гражданки нет. Твои штаны ему, как раз, по размеру. Дай трикошки на ночь.

– Мои штаны останутся при мне.

– Да че тебе, в падлу, что ли? – ребята были настойчивы.

– Короче, пацаны, если нужно, пусть сержант сам подойдет, а не просит кого-то другого. Вам, лично, какой интерес с этого? Никакого? Тогда почему вы за него просите? Я уже сказал, что мои штаны останутся при мне. Сержант мне добра не делал, и знать я его не знаю, как и вас, так что делиться с ним личным я не собираюсь.

– Что, не дашь?

– Я все сказал.

Парни ушли недовольные нашим разговором.

Те сержанты, что командовали нами, по ночам бегали в самоволку. Пока мы спали, они брали наши вещи, переодевались, прыгали через забор и растворялись среди гражданского населения. Я, принципиально, не хотел давать ни одному из сержантов свои вещи, так как вели себя эти ребята, по отношению к нам, совсем не дружелюбно. Они кричали, показывали свою крутость, в общем, смотрели на нас с высока. Так почему же я им должен был угождать?

Ну, а те двое ребят, что подходили ко мне, быстро нашли того, кто им не стал возражать и отдал вечером свои вещи.

На следующий день приехали очередные покупатели. Эти серьезные, крепкие вояки, приехали из Москвы. Покупатели отбирали крепких парней для прохождения дальнейшей службы в морской пехоте. Я, легкий как пушинка и тонкий как соломинка, им явно не подходил. А вот Юрку, что был крепче меня, отобрали.

– Сегодня вечером, Мишаня, меня заберут. – сказал мне Юрка, после собеседования с военными.

– Не получится, значит, вместе нам служить. – с досадой сказал я.

– Выходит, что нет. – Юрка дружески похлопал меня по плечу.

Конечно же, шанс, что мы будем служить с Юркой вместе, был очень мал, но мы верили, что все получится. Не получилось. Вечером друга увезут, а я останусь ждать в военкомате, когда за мной приедут мои покупатели.

После обеда Юру и других ребят, кого отобрали москвичи, повели переодеваться. Через час ребята вышли в военной форме. Черные сапожки, новенький бушлат, шапка с голубым отливом – Юрку было не узнать.

– Ну, ты даешь! – восхищался я своим другом.

– А то! – Юра демонстративно задрал нос вверх.

– Выходит, братан, на два года с тобой прощаемся? – не хотел я расставаться с другом.

– Время быстро пролетит, Мишаня. Я уверен.

Нам дали возможность покурить с ребятами, кого отправляли сегодня вечером. Чуть позже, в ворота военкомата заехал автобус, который повезет парней на ж/д вокзал.

Мы с Юркой крепко обнялись и расстались на два года. Тогда я еще не знал, что увижу своего школьного друга намного раньше...

Тоскливо как-то. Друг уехал. Теперь в военкомате я был сам по себе. Конечно, с некоторыми ребятами я уже успел познакомиться, но я уже привык, что Юрка всегда был рядом.

Прошло еще три дня.

Очередные покупатели были из Оренбургской области. Казалось, что им без особой разницы кого брать – брали всех подряд.

– Будешь в мотострелках служить? – спросил меня младший лейтенант, прибывший из-под Оренбурга.

– А как у вас там с дедовщиной? – проявил я интерес.

– Нет никакой дедовщины. По выходным кино и музыка. На каждом этаже тренажеры. Сказка, пацан, а не служба!

Ну, раз сказка... Я особо не раздумывал, так как сидеть в военкомате уже порядком надоело.

– А куда именно мы поедем? – спросил я у лейтенанта.

– В Тоцкое.

В этот же день нас повели переодеваться.

Помню, как мы стояли вдоль длинного коридора и по очереди заходили в дверь складского помещения. Туда ребята заходили в гражданской одежде, а выходили в военном обмундировании. Пока очередь медленно продвигалась, из склада постоянно доносились чьи-то крики. Из склада вышел высокий мужчина в военной форме. На вид офицеру, а это был майор, было лет сорок. Он окинул всех нас недовольным взглядом и пошел по коридору быстрым шагом. По пути он наткнулся на одного из призывников, который стоял спиной к майору и не увидел, как тот подошел сзади. Как только майор поравнялся с новобранцем, он, со всей дури, толкнул парня двумя руками, отчего тот рухнул на колени.

– Свали с дороги, бл... дь! – прорычал на бедного парня майор.

– Что вы делаете?! – возмутился паренек.

– Что ты сказал?! – майор явно был недоволен тем, что ему кто-то возразил.

Резкий удар майора, рукой в живот, заставил паренька согнуться.

– Сопливый еще, чтобы тявкать на меня! – огрызнулся майор и пошел своей дорогой.

Оказалось, что именно этот майор выдавал вещи на складе, и именно его недовольные крики мы и слышали. Выдача обмундирования временно приостановилась, пока майор не вернулся. Видимо ходил курить, так как от него шел резкий запах табачного дыма, как и запах алкоголя. Глядя на этого майора, мне уже начинала не нравится служба в армии. Но деваться некуда. Может так только в начале?

Подошла моя очередь получать обмундирование.

– В углу мешок с биркой. Напиши там свою фамилию и складывай туда свои вещи. Поживей! – бурчал недовольный майор.

Я разделся до трусов, подписал на бирке свою фамилию и сложил в мешок свои вещи. Позднее родители заберут этот мешок домой.

– Трусы тоже снимай! Идиоты, бл... дь! – кричал на меня майор.

Трусы тоже пришлось снять и положить к остальным вещам.

– Сюда проходи и получай свои шмотки.

Я прошел к столу, где уже были сложены по размеру вещи. На медосмотре с нас снимали мерки и делали записи в военный билет. Стоило взглянуть в мой военник, и сразу было видно, какой размер моих сапог, головного убора, мой рост и прочее.

Я взял вещи и начал одеваться.

– Живее, бл... дь! Не на прогулке! – подстегивал меня майор.

Живее... Знать бы еще, как и что нужно надевать. В руках у меня было белое нательное белье. Все на пуговицах – воротник, ширинка и нижние части штанины и рукавов. С этим разобрались. Потом одеваем х/б. Штаны, затем китель, тоже все на пуговицах. Затем сапоги...

– Бл... дь, взял свои шмотки и вышел нахер в коридор одеваться! – рычал пьяный майор.

Я не стал провоцировать майора. Взял свои вещи в охапку и вышел с ними в коридор, на ходу уронив шапку. Когда я вернулся за шапкой, майор замахнулся, чтобы ударить меня. Я быстро нырнул за шапкой, увернулся от удара майора и отпрыгнул в сторону.

– Да, что вы делаете-то?! – возмутился я.

– Ты мне еще потявкай, щенок, бл... дь! – выругался майор и вернулся к своему столу.

Я продолжил одеваться в коридоре. Вещей было довольно много. Помимо того, что я уже перечислил, у меня еще были теплые ватные штаны, бушлат, варежки (их называли «трехпалки», так как от обычных варежек их отличал отдельный кармашек для указательного пальца, чтобы солдат мог стрелять), плащ-палатка, вещмешок и солдатский ремень с, покрашенной в зеленый цвет, бляхой. Еще были пара носок и портянки. Портянками мы еще пользоваться не умели, поэтому все надевали носки.

Когда я одевался в коридоре, мимо проходил незнакомый мне сержант.

– Куда вас, парни? – спросил сержант у меня.

– Говорят в Тоцкое. – ответил я ему.

Сержант ухмыльнулся и сказал:

– Веревку с мылом сейчас дать?

– Не понял.

– Что непонятного? Говорю, что лучше сейчас повеситься, чем это сделать там. Тут хоть транспортировку груза двести оплачивать не придется.

Сержант улыбнулся своей черной шутке и пошел своей дорогой.

– Шутник хренов. – недовольно прошептал я, глядя в спину уходящего сержанта.

Слова этого сержанта не выходили у меня из головы. Почему он предлагал повеситься? Неужели в этом Тоцком настолько все плохо? Или этот сержант захотел нас припугнуть, чтобы служба медом не казалась? Как бы то ни было, а слова этого злого шутника никак не оставляли меня в покое. Что за вояки такие, хоть бы один добра тебе пожелал, так нет же! Майор этот

ударить все норовит. Сержант повеситься предлагает. А дальше что? Застрелиться предложат? Не нравилось мне все это. Ой, как не нравилось.

А дальше, история повторилась, точно также, как и с Юркой – вечером за нами приехал автобус, и повез на ж/д вокзал.

ПОЕЗД

Ну, вот мы и на ж/д вокзале. До того, как мы сядем в поезд и покинем дом на два года, осталось всего пара часов.

В военкомате нам выдали вещмешки – в них мы загрузили те вещи, которые на себя не одели. Еще нам раздали сухой паек, в картонных коробках рассчитанный надвое суток. С сухпаем вообще интересная штука получается – каждый раз, когда офицер с сержантом едут за новыми призывниками, они рассчитывают заработать на солдатских сухпаях. Происходит это так – ни одна хорошая мать не отправит своего любимого сыночка в дорогу без какого-либо провианта. «Сынок же двое суток будет в дороге голодать! Ой, матушки, надо собрать чего в дорогу!» И наши мамы собирают нам: курочка, яйца, отваренный картофель, помидорчики, огурчики – это стандартный набор для дальних поездок на поезде. У большей половины новобранцев были те продукты, которые я перечислил выше. Ну, и по мелочи – чай, конфеты, дошираки с заварным пюре. Если кому в дорогу старики ничего не дали, то свои же ребята обязательно поделятся и не оставят голодными. На крайний случай – никто, практически, без денег в дороге не ехал. Если не взял с собой еды, то купишь чего-нибудь на вокзале. Так вот, офицер прекрасно знает, что новобранец не останется голодным, если не съест, положенный ему, сухпай. Именно поэтому, офицер не будет вам разрешать открывать в дороге сухой паек, мотивируя это тем, что еще рано – надо немного подождать. Ага, подождать – когда приедем, вроде как уже и не нужен он вам. Когда же вы прибудете на свое место прохождения службы, сухой паек, как бы невзначай, заберет у вас офицер. Вы же не будете в этом возражать – вас все равно в столовой накормят. Офицер же продаст сухпай в какой-нибудь охотничий магазин и поделит деньги на пару с сержантом (может и не поделит). А сухой паек, скажу я вам, стоит совсем не дешево. Однако тогда мы не понимали, почему в поезде нам не разрешали открывать коробки с сухим пайком – да потому, что офицер не хотел, чтобы мы съели часть его «зарплаты». Об этом я еще напишу подробнее в главе «Самара».

И так, мы сидим в зале ожидания. Ребята просили телефон у офицера и сержанта, чтобы позвонить родителям домой и сообщить о нашем скором отбытии. Никто не знал заранее, когда нас увезут из военкомата. Вернее никто из нас этого не знал – военные же прекрасно это знали, но не обязаны были сообщать об этом нашим родителям. Ну да ладно.

Я тоже позвонил своей маме. Мама приехала с отцом через двадцать минут. Ну, а дальше, все как вы видели в фильмах – бойцы садятся в поезд, улыбаются, машут руками. Мамки наши плачут, а отцы сжимают руку в кулак, мол «Давай, сын – не подведи!». Как то так. Правда, когда поезд тронулся, и я увидел слезы своей мамы, на душе стало жутко грустно, тоскливо как-то. Ну, какая мать не будет тревожиться за своего сына, когда отправляет его служить в армию?

Поезд отъехал от вокзала и начал набирать скорость. Позади остались родные, друзья. У кого-то остались любимые девушки, половина из которых, не дождутся своих парней. У каждого из нас осталось за спиной что-то дорогое, что-то родное и близкое, с чем мы прощались на два года.

В вагоне мы ехали не одни – некоторым гражданским не повезло купить билеты на соседние с нами места. Почему не повезло? Ну, вот представьте, что вы едите в отпуск, либо же домой. Ехать вам двое суток. А с вами по соседству едут восемнадцатилетние лысые дурачки, которые, непременно, тайком от офицера, купят водочки с пивком и будут всю ночь шараться по вагону, шуметь, бегать поссать и покурить – в общем, спать вам точно не дадут. А ведь были среди нас и те, кто гитару с собой из дома прихватил – так что молитесь, чтобы у этого парня, хотя бы, слух был музыкальный и голос не противный.

Ехали мы в вагоне-плацкарте. Я взял себе верхнюю койку в четырехместном закуточке. Пока все вещи попрятали по полкам, получили белье постельное – настала пора спать. Офицер прошелся по вагону и строго наказал нам не шуметь:

– Чтобы в туалет на цыпочках ходили! Услышу, что кто-то не спит – по приезду на гауптвахту отправлю!

Ну да, как же, на гауптвахту он отправит! В то время уже не было такого понятия как гауптвахта. Да и применить дисциплинарное взыскание к новобранцу, который еще не принял присягу, никто не имеет право. Правда, мы тогда этого не знали, а потому охотно поверили младшему лейтенанту про гауптвахту. В ту ночь мы спали тихо...

Утром началось движение. Муравейник, не иначе! Все снуют туда-сюда. Очередь в умывальник кончается, чуть ли, не у соседнего вагона. Кто хитрее был, тот встал пораньше, умылся и снова лег спать. По всему вагону шуршала фольга с газетой – ребята мамкин провиант доставали.

Я спрыгнул с кровати, влез в китайские резиновые тапочки, взял полотенце и пошел к умывальнику.

– Кто последний? – спросил я у паренька, что ближе всех стоял к туалету.

– Хрен его знает. За мной еще пятеро занимали.

Ждать, пока вся очередь пройдет, я не стал и пошел в соседний вагон, где были одни гражданские. Как и ожидалось, в соседнем вагоне стояло всего два паренька – тоже наши.

– Здорово парни. – поприветствовал я ребят. – За вами тоже пятеро занимали?

– Да нет, нас всего двое.

Я узнал этих двоих – это те парни, что подходили ко мне в военкомате и хотели, чтобы я отдал свои штаны сержанту. Думаю, что и они меня признали. Какое-то время мы стояли молча – ждали, когда выйдет гражданский из туалета. Наконец из туалета вышел пожилой мужчина. Один из парней зашел в умывальник, и мы остались в маленьком тамбурочке с невысоким, худощавым пареньком – тот, кто говорил со мной в военкомате.

– Ты с какого района? – обратился парень ко мне.

– С Зареки.

– А я с Обороны. Серега меня зовут.

Сергей протянул мне руку в знак знакомства, и я ее пожал.

– Миша. – сухо представился я.

– В туалете мой кореш – Толян. Мы с ним вместе, с одного района. У тебя какое место в вагоне?

– В середине, слева. Не помню номер.

– Мы с Толиком почти в самом начале. Подтягивайся к нам, Мишаня. Покушаем, на вечер сообразим чего-нибудь. Пообщаемся.

Умывшись, я решил перекусить. Как и всех, меня мама не обделила и пожарила в дорогу курочку. Мы сели с ребятами за стол, выложили свои продукты и дружно позавтракали. После завтрака я пошел покурить в тамбур, по пути заскочив к своим новым знакомым – Толику и Сергею.

– О, Мишаня! А мы как раз к тебе собирались. – улыбнулся мне Сергей.

– Айда, покурим, пацаны. – предложил я парням.

Мы вышли втроем в тамбур. Я достал пачку сигарет, Серега же достал «беломор».

– Давай лучше «дунем», Мишка! – расплылся в улыбке Серега.

Я не стал возражать. Толик достал из кармана маленький полиэтиленовый сверток, в котором был замотан кусочек плана. За минуту Сергей сколотил «пятку» и мы втроем раскурили папиросу.

– Как же вас в военкомате на анализах не спалили? – спросил я у ребят.

– У меня братан старший служил. – выдыхая клуб густого дыма, отвечал Толик. – Он сразу предупредил, что в военкомате могут мочу на анализ взять. Так что мы с Серегой «чистыми» призывались.

До обеда я просидел в закутке у Толика с Серегой. Мы рассказывали друг другу байки, анекдоты. Смеялись над каждой мелочью. Когда была остановка в каком-то городе, мы два раза бегали за мороженками на станцию. Потом меня разморило, и я пошел к себе спать. Ближе к вечеру мы снова собрались с парнями и на ближайшей станции купили пива. Сержант с младшим лейтенантом, к тому времени, сами уже напились и тихо посапывали в своих кроватях.

Два дня дороги для нас пролетели очень быстро. Я перезнакомился со всеми парнями в нашем вагоне. Даже с гражданскими успел выпить и познакомиться. Для нас это было как очередные проводы в армейку, только теперь без родных и близких. Когда сержант с лейтенантом возмущались нашей пьянке, мы просто наливали им в дорожные стаканы пивка, и вручали, заранее приготовленную, бутылку водки – этого хватало, чтобы наши надзиратели не ворчали, как минимум еще на полдня. Мы же были предоставлены сами себе.

Единственное, что мне не давало покоя в той поездке, так это наш сосед напротив – он спал на втором ярусе, правой стороны вагона. Когда я проснулся в первый день – этот парень спал. Мы обедали – он валялся на кровати и смотрел в потолок. Вечером паренек оставался на своем месте – там же на кровати. Черт, да я даже не помню, чтобы он в туалет ходил. И, что еще настораживало в нем, так это то, что он даже не раздевался, когда спал. В вагоне было душно и мы все разделись до нательного белья, этот же парень продолжал оставаться в кителе. На второй день я решил подойти к этому парню, чтобы познакомиться.

– Привет, друг. Тебя как звать? – как можно дружелюбней обратился я к странному пареньку.

– Альберт. – с неохотой отозвался тот.

– Альберт, меня Миша зовут. Я смотрю, ты ничего не ешь. У тебя кушать нечего? Давай к нам, у нас полно жратвы.

– Спасибо, я не голоден.

– Ну, может, курехи тебе дать?

– Я не курю.

– Ну, айда, хоть с нами попьешь. Там и шоколад вкусный есть. А, Альберт?

– Спасибо. Но я ничего не хочу.

С этими словами Альберт отвернулся от меня в сторону окна, давая понять, что больше не хочет со мной общаться.

«Чудной какой-то» – подумал я тогда про того паренька. Ни ест, ни пьет. Умываться не ходит. Спит в одежде, несмотря на то, что в вагоне очень душно.

– Да оставь ты его. – говорили мне ребята.

И я оставил. Чего приставать к человеку, если он не хочет с тобой общаться. Хотя вечером я, все же, отломил кусочек шоколада и отдал его Альберту. Хоть Альберт и не хотел брать шоколад, но я настоял:

– Ты уже второй день ничего не ешь. Скушай хоть это.

– Спасибо. – тихо поблагодарил Альберт, взял шоколадку и снова отвернулся от меня.

Больше я к нему не подходил.

За два часа до приезда в Самару, сержант прошелся по вагону и приказал собрать вещи.

– Скоро будем в Самаре. Собирайте свои шмотки. Ничего не забываем.

За час до прибытия, мы уже сидели наготове – одетые, с вещмешками за спинами и коробками сухого пайка в руках.

Интересно, какая она – Самара?

САМАРА

Самара. Я еще никогда не видел таких необычайно красивых вокзалов. Самарский ж/д вокзал меня сразу впечатлил. Мы с парнями, разинув рты, смотрели из окон прибывающего поезда на огромную стеклянную конструкцию синего оттенка. Стеклянный купол играл с лучами солнца золотыми светлячками, отчего был больше похож на церковный. Я потом не раз буду приезжать в Самару, и, привыкши, не буду окидывать вокзал восхищенным взглядом, но в тот день я радовался как дитя. Для меня увидеть что-то новое, достопримечательность другого города, о котором слышал, но не видел – это словно как у первооткрывателя. Исследуя жадно глазами каждый метр этого сооружения, я все больше забывал о том, куда же все-таки мы едем. Создавалось впечатление, что мы приехали на экскурсию, на слет, в какой-нибудь полевой лагерь, да неважно куда, но только не в армию.

Поезд остановился, и мы, уже готовые десантироваться, толпились в узких проходах плацкартного вагона, распахивая, неуклюже, друг друга своими вещмешками.

– Выходим! Строимся сразу на платформе в три шеренги! Никто не закуривает! – Кричал нам из тамбура мл. лейтенант.

Мы послушно двинулись к выходу и начали строиться на платформе, как и было приказано, лицом к поезду. Наконец все сошли с трапа. Последним выходил сержант.

– Значит сейчас, мы идем в вокзал. Никто не разбредается. Идем в колонну по одному! Сержант Заварзин замыкающий. Все туалеты, сигареты, киоски и т.д., все это потом. Вопросы есть?

– Никак нету! – соизволил кто-то отчеканить из строя.

– Вот и молодцы. А теперь – напра-во! Справа по одному, шагом марш!

И мы двинулись. Сначала в подземный переход, оттуда по узкой лестнице вверх к вокзалу. Впереди уверенным шагом, заведомо зная куда идти, с гордо поднятой головой шел мл. лейтенант. Мы же, как только очутились внутри вокзала, снова открыв рты, начали озира́ться по сторонам. Красота! Всего двое суток в дороге, а окружающие ларьки, которые мы каждый день видели по двадцать раз, манили так, словно мы их год не видели. На какое-то мгновение я вернулся в реальность того, что мы не на экскурсии. Окружающие нас люди смотрели на нас кто с удивлением, кто с улыбкой, кто-то вообще, взглянув украдкой, тут же про нас забывал. Но нам было не до них. Загораживающий своими размерами изнутри вокзал нас словно пленил. Кафельный пол, вымытый до блеска, скрипел под ногами резиновыми подошвами. И, если с внешней стороны вокзал весь «наглухо» затонирован, то изнутри же наоборот – открывается вид на город. За окнами движение шло полным ходом – автобусы, троллейбусы, маршрутки, таксисты все бились в пробках, сигнали друг другу, не желая никому уступить.

Уже в вокзале мы поднялись на второй этаж, где нас ждал абсолютно пустой зал ожидания. Вход в зал был огорожен цепью, рядом стоял мужчина средних лет в строгом темно-сером костюме с бейджиком на груди «администратор». Мл. лейтенант подошел к нему, пожал руку и что-то сказал. Администратор услужливо снял цепочку и жестом руки пригласил нас пройти в зал ожидания.

– Так, молча заходим, рассаживаемся. Вещмешки под сиденья, либо в ногах. Никто не прыгает с места на место. Потом, когда разрешу, поменяетесь.

Мы зашли и начали рассаживаться. Зал ожидания представлял собой, аккуратно поставленные в ряд, сваренные меж собой, металлические стулья с пластиковыми сиденьями. Больше ничего не было. Коробки с сухпайками, вещмешки мы закинули под сиденья.

– Кто проголодался, можете вскрыть одну коробку сухпайка на четверых. – сказал нам лейтенант.

Наконец-то, мы дождались, когда нам разрешили вскрыть эти загадочные коробки. Всю дорогу в поезде, мы мечтали открыть и посмотреть, что же там упаковано. И, вот, таможня дает добро! Мы разбились по четыре человека и, словно подарок на новый год, открывали свои коробки. Внутри была банка тушенки, паштет, две упаковки каши – перловая и гречневая, печенье, повидло, растворимый чай (в пакетиках, типа «Юппи», если кто помнит), сухое горячее в таблетках и установка, для подогрева пищи. Я выбрал упаковку перловой каши с мясом. Разжигать огонь в вокзале, естественно, никто не позволил, и мне пришлось кушать кашу так. Знаете, это не та каша, которая в банках продается, армейская намного вкуснее. В той упаковке, действительно было мясо. Было очень вкусно. Прикусывая не сладкими печеньками, которые, почему-то, называли галетами, я уплел всю упаковку каши. Потом мы мазали повидло на галеты – для нас, своего рода, десерт. Чай в пакетиках, со странным названием «Емеля», мы слопали всухую, так как воды, чтобы развести желтый порошок с лимонным вкусом, у нас не было.

Больше мы сухпайки не открывали. Если нас было около тридцати человек, а мы открыли лишь десять коробок, то двадцать коробок, которые полагались нам, забрали себе сержант с лейтенантом. На то время, такую коробку можно было продать за 350 рублей. Это я все позже узнал. Мы могли еще в поезде вскрыть свои сухпайки и все скушать. С самого начала сержант с младшеем нас обманывали, не давали кушать свой паек, так как знали – чем меньше мы коробок вскроем, тем больше они смогут оставить себе и продать. Такая практика была распространена среди военных, которые ездили по городам за молодым пополнением. Военные считали наши сухпайки своими суточными. Для них паек, та же валюта. По приезду, у нас никто не спрашивает, ели мы свои пай, или нет. Логика проста – если мы приехали без пайков, которые сержант с младшеем заботливо припрятали, то, значить, мы их съели. Вот такая математика.

Наевшись вдоволь, меня немного разморило, и я решил вздремнуть. Время было девять часов утра. Усевшись на стульчике поудобней, я склонил голову на плечо и уснул.

Проспал я около двух часов. Когда проснулся, у меня болела шея – затекла. Немного поразмявшись, я встал и попросился у сержанта в туалет.

– Кто еще хочет в туалет? – заглянув за мою спину, громко спросил сержант у остальных парней.

Желающих справить нужду, набралось человек пятнадцать. В сопровождении сержанта, мы сходили в туалет. В туалете ко мне подошел Толян.

– Мишаня, давай уболтаем сержанта сводить нас в город. – предложил Толик.

– Думаешь, согласишься? – неуверенно спросил я.

– А почему нет? Наш поезд будет в восемь вечера, а сейчас полдень только!

Мы помыли руки, вышли из туалета и подошли к сержанту.

– Товарищ сержант, мы хотели вас попросить сводить нас в город. – обратился Толик к сержанту.

– Исключено. – по сержанту было видно, что ему наша идея пришлась не по душе.

– Да ладно тебе, сержант. Когда еще мы в Самаре побываем? Дай, хоть одним глазком, на город взглянуть. – пытался я его уговорить.

Сержант призадумался.

– Короче, по полтиннику с каждого, кто хочет идти в город. – поставил нам условие сержант, и мы согласились.

Мы пришли в наш зал ожидания. Ребята откровенно скучали. Когда мы предложили парням сходить в город за пятьдесят рублей, парни охотно согласились. Хотя, нашлись и те, кто наотрез отказался идти, не желая тратить своих денег. В вокзале осталось пять человек. На свой страх и риск, сержант с лейтенантом оставили этих пятерых ребят в зале ожидания, наказав, никуда не ходить. Если ребята захотят в туалет, то оставлять одного для охраны вещей.

Мы вышли из вокзала на привокзальную площадь, которая называлась Комсомольской. Лейтенант разрешил нам перекурить, прежде чем мы выдвинемся в город.

Я отошел ближе к урне, и закурил. Ко мне присоединился Толик с Сергеем.

Из вокзала вышли двое парней. Оба были одеты в строгое – черные брюки, кожаные френчи, аккуратные, начищенные до блеска, туфли. На вид тем парням было около тридцати лет. Оба были похожи на бандитов. Один из тех парней посмотрел на нас и, что-то сказав своему товарищу, направился в нашу сторону.

– Здорово, парни. – поприветствовал нас незнакомец.

– Привет. – ответили взаимностью мы.

– Вы с учебки?

– Нет, мы с военкомата. – ответил Сергей.

– А куда едите? – не отставал с расспросами парень.

– В Тоцкое. – сказал Толик.

– Не повезло вам, парни. – как-то с досадой, сказал тот парень, что нас совсем не обрадовало.

– Да вы сговорились, что ли? – не выдержал я. – В военкомате сержант, узнав, куда мы едем, вообще повеситься предлагал! Что ж это за Тоцкое такое?!

– Ну, жить везде можно. Многое будет от вас зависеть. Но в Тоцком, пацаны, будьте осторожны. Там «обезьян» много.

– Каких «обезьян»? – не понимал я.

– Черные. – пояснил парень. – Да и место там гнилое. – Незнакомец задрал штанину на ноге и показал огромный шрам, в длину от стопы и до колена. – Я в этом Тоцком чуть весь не сгнил. Сделал одну татуху и началось, то тут, то там гниет.

– Леха, поехали! – кричал товарищ нашему знакомцу.

– Ладно, пацаны. Берегите себя. – парень достал пачку сигарет из кармана и отдал ее мне. – На вот, пригодится.

Леха сел в черный джип, где его ждал товарищ, и, через секунду, машина, взвизгнув колесами, умчалась вдоль по Спортивной улице.

– Куда же мы едем? – размышлял я вслух.

– Прорвемся! – толкнул меня, подбадривающе, в плечо Сергей.

Вскоре нас построили, и мы пошли вдоль улицы, которая начиналась с выхода вокзала. Вдоль улицы Спортивной тянулись обыкновенные пятиэтажки, изредка встречались девятины, которых полно в любом другом городе. На пересечении Спортивной и Красноармейской находился большой футбольный стадион «Локомотив». Магазины, ларьки, какой-то старый кино-театр с афишей «9 рота». За кинотеатром парк имени Щорса. Чуть дальше, по левую сторону мы увидели большой торговый центр «Самара». Вокруг центра рынок. Мы бродили около часа.

– Кто хочет кушать? – спросил у нас лейтенант.

Мы, как-то неоднозначно кивали головами – хотим, но не особо. Лейтенант подстегнул нашу нерешимость походом в кафе.

– Парни, предлагаю вам оставить все свои деньги в кафе и наестся вдоволь, так как в части у вас деньги отберут. – настаивал сержант, чтобы мы расстались со своими деньгами.

Деньги были не у всех. Немного посоветовавшись, мы решили скинуться коллективно, кто сколько может. Я отдал свой последний полтинник на экскурсии по городу. Толик, например, вообще две тысячи отдал, со словами: «Лучше уж тут бабки просрать, чем там». Собрав не малую сумму денег, мы зашли в кафе.

Посетителей в кафе не было. Столиков, как раз, хватало на всех. За барной стойкой стояла молодая девушка, с милым, приветливым лицом. Увидев столько военных, девушка заволновалась, но когда лейтенант попросил принести для всех ребят меню, она заметно успокоилась. Видимо, не всегда в кафе заваливаются двадцать пять ребят в форме. Лейтенант

с сержантом сели за отдельный столик. Себе они заказали коньяк, что-то из мясной закуски и куриный суп. Особо наши попечители не сэкономили, так как их заказ оплачивался из нашего кармана. Мы же себе заказали картошку с мясом и грибами в горшочках, пепси и орешки. Через пятнадцать минут нам принесли картошку, и мы с огромным удовольствием ее слопали. Когда наши ложки в горшочках перестали звенеть, мы откинулись на спинки стульев, и не спеша щелкали фисташки, запивая пепси. Алкоголь брать нам не разрешили наши командиры, оно и понятно – попробуй объяснить начальству, почему у тебя весь призыв пьяный приехал.

В кафе мы пробыли около часа. Мы беседовали на разные темы. В основном вели беседу о том, где и когда, служил чей-то брат или знакомый, и что они рассказывали про армию. Истории были разные – забавные и не очень, где-то даже жуткие. Когда орешки закончились, и все пепси было выпито, мы с неохотой встали из-за стола. На столе стояла баночка с зубочисткой.

– Пацаны, а давайте, мы все возьмем по одной зубочистке с собой. – предложил я парням. – Сохраним эти зубочистки, а через два года, приедем в это же кафе, и положим их обратно.

Моя наивная затея пришлась ребятам по душе. Мы все взяли по одной зубочистке и спрятали их в кителях. Забегая вперед, скажу, свою зубочистку я потерял уже через месяц, так же как и все контакты с теми ребятами, что сидели, в тот день, со мной за столом. Ни с кем из тех парней, я не попаду, в дальнейшем, служить. Но я об этом еще не знал.

После кафе мы покурили и, снова строем, отправились обратно на вокзал, где нас уже жаждали оставшиеся там ребята.

До поезда оставалось еще пара часов. Мы купили в ларьке газеты с журналами, чтобы не скучать в оставшееся время до поезда.

Через полтора часа объявили наш поезд.

Когда мы грузились в вагон, нас ждал неприятный сюрприз. В вагоне были гражданские. И все бы ничего, но был один нюанс – все места заняты. Можете не спрашивать меня, как такое могло случиться? Я и сам не знаю. Ехали то мы не в электричке, а в плацкартном вагоне. И ехать нам не менее четырех часов. Гражданские тоже довольны не были, так как поспать им не удалось. Мы расселись по местам, тесня гражданских. Кто-то недовольно ворчал, кто-то наоборот, был приветлив и охотно двигался, чтобы уступить нам больше места.

Я невольно вспомнил, как маленьким пацаном ехал с бабушкой в поезде. Такой же плацкарт. В Москве к нам в вагон сели солдаты, точно также как и мы сейчас. Помнится, солдаты бегали часто курить, от чего в вагоне постоянно воняло сигаретным дымом. Люди жаловались их командиру, чтобы ребята реже ходили курить. Я с большим интересом наблюдал за парнями в военной форме. Помню, как один из солдат, попросил у моей бабушки нож, чтобы открыть банку тушенки. Бабушка тогда его спросила:

– Как сейчас служитесь в армии, сынок?

– Можно служить. Вот только зарплата двадцать пять рублей, на сигареты еле хватает.

Теперь я как тот солдат. И, какой-то мальчишка в вагоне, точно также смотрит на меня и, возможно, восхищается парнем в военной форме.

Долго сидеть в душном вагоне я не мог. Да и после вкусного обеда в кафе, да прогулки на свежем воздухе, мне безумно хотелось спать. Но мест не было. Даже гражданские, у кого были нижние койки, не могли позволить себе лечь, чтобы не выгнать нас со своих мест. Верхние места тоже были забиты. Сидя спать, как это делали другие ребята, я тоже не хотел. Выход я нашел – забрался на самую верхнюю багажную полку, расстелил там матрац, и погрузился в сон.

Через пару часов я проснулся от того, что мне стало очень жарко. Наверху было невероятно душно. Я огляделся. Чуть ли не все наши ребята, последовав моему примеру, спали на багажных полках. Я разделся до нательного белья и снова попытался вздремнуть.

ТОЦКОЕ

В первом часу ночи наш поезд остановился на станции Тоцкое. Это был конечный пункт для нас.

Небольшой вокзал, который предстал нашему взору, давал понять, что мы приехали в небольшой городишко. Старый, разбитый асфальт на платформах, невзрачные частные дома, что находились рядом с ж/д вокзалом, тусклые фонари на столбах – все это выглядело очень мрачным. Хотя, признаться, я сам не знал, что ожидал увидеть по приезду в Тоцкое.

Ночь была спокойной, ветра не было. На вокзале безлюдно.

Мы выстроились на перроне и, по команде лейтенанта, пошли напрямик через пути.

На площади перед вокзалом нас ждали два стареньких ЗиЛка.

Открыв борта грузовиков, по команде сержанта «По машинам!», мы, по два человека, начали грузиться, помогая друг другу. Все было довольно быстро. Даже покурить времени у нас не было.

Машины загружены, и мы тронулись в путь.

Никто не знал, как долго нам придется ехать. Ощущение было непонятное. Что-то сродни тому, будто вы в летний лагерь направляетесь, а не в армию служить. Никто не грустил. Почти никто. Один лишь Альберт, который в поезде вел себя очень странно, всю дорогу молчал и о чем-то думал. Его глаза, из-под толстых очков, все время беспорядочно бегали в разные стороны. Он боялся. Я тогда этого не понимал, думал, что он просто парень со странностями. Хотя, он, действительно выглядел странно, но главное, что под этой странностью никто не замечал очевидного – он до смерти напуган.

Я же, не растерялся и начал подбадривать парней песнями Петлюры. Все знали песни Петлюры. Каждый второй подросток напевал в подъезде с друзьями на гитаре печальные песни, от которых, порой, мурашки по коже. Я вспомнил одну из песен про армию, из репертуара Петлюры, и просто начал ее напевать. Парни с удовольствием мне подпевали. Вот так, всю недолгую дорогу, в три часа ночи, мы ехали в грузовике и пели песни.

Дорога заняла у нас около пятнадцати минут. Выходило, что от вокзала до нашей части, куда нас привезли, было всего 10—12 километров.

Сначала мы проехали КПП, что вело в военный городок. Затем, проехав еще немного, мы остановились у ворот части. И уж только потом нас привезли в клуб танкового полка, где нам дали возможность оглядеться и покурить.

Что мне запомнилось, так это тополя вдоль дорог. Побеленные стволы деревьев и тротуары. Все выглядело таким аккуратным. Даже ночью, здесь все казалось таким идеальным, словно по линейке чертили. Небольшие здания – казармы в четыре этажа. Все это нам еще предстояло разглядеть утром, когда рассветет. А пока мы стояли у входа в клуб, курили и рассматривали окрестности.

Сам клуб был довольно старым, одноэтажным зданием. Ничего особенного. Такие клубы можно увидеть в обычных деревнях. Зал человек на сто, небольшая, деревянная сцена, потрепанные шторы. Деревянные, синие окна, потрескавшиеся рамы. Это был клуб танкового полка.

Когда мы покурили, нас завели в клуб и рассадили на местах для зрителей. Время было около четырех часов утра. Лейтенант сказал, чтобы мы ждали до семи утра, так как за нами придут только после подъема.

Большинство завалились спать прямо на стульях. До семи утра еще целых три часа.

Рядом со мной сидел Альберт, тот самый, что в поезде вел себя отчужденно, и что в машине вел себя не менее странно. Он нервно теребил пальцы, не сводя глаз со стула прямо перед собой. Ну, ей Богу, чудной парень.

– Альберт, с тобой все в порядке? – не выдержал, и спросил я у него.

– Вот смотри. Видишь? – сразу ответил мне Альберт, показывая пальцем на спинку стула, что был перед ним.

– Что я должен там увидеть? – с любопытством начал разглядывать я стул.

– Дагестанцы. Вот, написано «Дагестан 98». А вот еще «Махачкала 2001». – Альберт вычитывал все записи, начерканные ручкой на спинке стула парнями, которые когда-то здесь служили.

Я никак не мог понять, почему Альберт не обращал внимания на другие записи, типа «Тула 88», или «Омск 97. Скоро домой!». Альберт намеренно выделял все надписи, которые, так или иначе, были связаны с дагестанцами. Но почему? Я никак не мог этого понять. Лично я вообще о дагестанцах-то и не слышал до армии.

– Альберт, что ты так переживаешь из-за этих надписей? – попытался я успокоить бедного парня, который не на шутку был напуган.

– Если здесь есть эти надписи, то, значить, тут служат дагестанцы! – повернувшись ко мне, и выпучив испуганные глаза, сказал мне Альберт.

– Ну и что с того? – не понимал я его.

– Как? Неужели ты о них не слышал? – Альберт сделал такое удивленное лицо, будто я не о дагестанцах не слышал, а о снежном человеке.

– Слушай, да объясни ты толком. Ну, есть тут дагестанцы, и что? – я уже начинал злиться от того, что не понимал Альберта.

– Они над русскими издеваются. – затрепетал Альберт, словно о нечистой силе рассказывал. – Мне и друзья про них рассказывали. А в военкомате мне сказали, что в Тоцком их, просто, дофига! Мы все «попали», понимаешь?! – начал истерить Альберт.

– Так, давай-ка ты успокоишься. Что за бред?! Ну, есть тут дагестанцы, ну и что? Русских то тут, явно не меньше. Хорош сопли размазывать. Не нагоняй жути. В конце концов – все мы люди и сделаны из мяса, так что, нет повода переживать.

– Они не люди. – тихо пробормотал Альберт, и вновь ушел в себя, читая надписи на спинке стула.

Такой одержимости я еще не встречал до этого дня. Парень явно был болен. Я вообще не понимал, как его в армию призвали – на лице психическое расстройство, однозначно. Да его просто поглощал страх изнутри! С самого поезда с Альбертом что-то было не так. Это замечали все ребята, кто ехал с нами в одном вагоне. Почему же офицер с сержантом этого не видели? А может у Альберта была какая-то личная драма в жизни, связанная с дагестанцами? Почему же он так их боялся?

Я сидел и молча, следил за Альбертом. Бедный парень. Как он будет служить все два года, я не понимал. Ему, явно не место в армии. Неужели на медосмотре, в кабинете психиатра, не смогли разглядеть в парне того, что сейчас видел я?

Забегая немного вперед, я расскажу историю про одного парня, который уехал домой через месяц, после того как призвался. Нам об этом рассказали старослужащие. Помню, как двое служивых парней, курили за казармой и обсуждали, как один бедолага выпрыгнул с четвертого этажа в арtpолку. Прыгнул он настолько неудачно, что упал прямо на бетонную отмостку. Итог – домой парень поехал в инвалидном кресле, и без части нижней челюсти. И, как оказалось, за неделю до этого, парень вскрывал себе вены лезвием. Его смогли, вовремя, откачать и вернули в строй. Этим парнем оказался Альберт.

Вот так вот, сейчас я сижу и смотрю на Альберта, а через пару недель он вскроет себе вены, а еще через неделю, выпрыгнет из окна.

Вообще, в этой истории есть лица, непосредственно виновные в том, что произойдет с Альбертом. Про дагестанцев, на которых, все-таки, наткнулся Альберт, можно и не писать – именно они его и довели. Хотя, там и доводить-то не надо было, так как Альберт уже был до смерти напуган. Возможно, его и пальцем-то не успели тронуть, а просто припугнули,

но и этого оказалось достаточным, чтобы у Альберта сдали нервы и он решил покончить с собой. Лично я считаю прямым виновником произошедшего замполита подразделения, в котором служил Альберт. Также в подразделениях, раньше, были и офицеры-психологи, которые следили за моральным состоянием бойцов. Эти два человека, просто игнорировали явные страхи Альберта и халатно отнеслись к своим обязанностям. Особенно нужно было внимательно следить за Альбертом после того, как он вскрыл себе вены. А они его обратно в подразделение отправляют, туда, где и скрывалась причина суицида!

Как бы то ни было, но странный парень из поезда, который так не хотел ехать в Тоцкое, раньше всех нас уехал домой. Уехал, заплатив слишком дорогую цену – пожизненная инвалидность.

Ближе к семи за нами пришли. Я отчетливо помню, как на сцену поднялся высокий парень в берцах, и начал зачитывать фамилии ребят, кто будет служить в 506 полку.

Я услышал свою фамилию в этом списке. Всего было названо не больше десяти фамилий. Но из этой десятки я знал всего пару человек. Все с кем я успел познакомиться в поезде и военкомате, уйдут служить в арtpолк, танковый полк и отдельные батальоны. Конечно же, меня это огорчило, как и других ребят, которые надеялись попасть со мной в одно подразделение. Но, ничего не поделаешь.

Всех, чьи фамилии зачитали, построили на улице, и повели в казарму. По дороге мы остановились напротив двухэтажного кирпичного здания – это был штаб 506 полка.

Из штаба вышел солдат в потертой форме и, в отличие от того, кто нас привел, он был в сапогах.

– Здорово, «духи». – обратился к нам солдат в сапогах. – В общем, так, у кого есть с собой деньги, сигареты, пена для бритья или хорошее мыло, то лучше вам отдать сейчас это нам. В казарме, куда вас сейчас приведет сержант Клим, – парень кивнул в сторону солдата в берцах, – все равно все отберут. Но, если вы сейчас мне все отдадите, то потом сможете забрать.

Мы переглянулись друг с другом, как бы спрашивая себя: «А можно ли ему верить? А вдруг и правда отберут?». Я долго не раздумывал, посчитав, что это развод. Так и оказалось. Однако нашлись среди нас ребята, которые отдали тому штабному солдату блок дорогих сигарет, деньги, и два куска фирменного мыла. Мне же, кроме сигарет, отдавать было нечего. Но и сигареты свои отдавать, кому попало, я не собирался.

– Все сдали? – не унимался штабной боец. – А если найду?

Ого! Вот теперь он уже не просто предлагал отдать на хранение, а готов был сам обыскивать парней. После этих слов, еще один бедолага отдал ему две пачки сигарет. Но и этого ему было мало. Он начал прохаживаться перед нами и смотреть каждому в глаза. Подойдя ко мне, он остановился и спросил:

– А у тебя, что, ничего нет?

– Нет. – спокойно ответил я не отводя глаз.

– А вдруг найду?!

– Ищи.

Солдат еще с секунду разглядывал меня, прикидывая, обманываю я его или нет, и пошел дальше. В бушлате у меня оставалась последняя пачка синей «Явы». Конечно же, я боялся, что ее смогут найти. Но мне, принципиально, не хотелось отдавать последнее этому штабному писаке.

Это сейчас я бы послал его куда подальше, в довесок бы, отобрал у него его же сигареты, снял бы с него сапоги и форму. Он просто штабной писарь, который всю свою службу прятался в штабе за бумажками, пока пацаны стирали ноги в длительных маршах, замерзали на плацу, да на учениях, изнывали от жары, и не досыпали из-за ночных стрельб и бесконечных нарядов. Вот и стоит этот писарь у штаба, и отбирает у молодых все самое ценное, что может быть

в армии. Но тогда, мы всего этого не знали. Мы были наивными новобранцами, которые становились легкой добычей для любого старослужащего.

После того, как мои сослуживцы отдали все свои пожитки тому штабному солдату, нас повели в казарму третьего батальона. После штаба мы прошли две одинаковые четырехэтажные казармы, когда дошли до третьей, нас остановили.

– Вот и ваш дом на ближайший месяц. – улыбался сержант Клим.

Обычно, всех новобранцев отправляют в специальные учебные центры, мы их называли учебками. Там вас обучают воинской дисциплине в течении полугода, а уже потом, отправляют служить на место постоянной дислокации. Мы же, минуя учебку, должны будем пройти курс молодого бойца (КМБ), где нас обучат за месяц по укороченной программе и сразу отправят на линейку – так мы называли постоянное место службы. Именно в казарме третьего батальона мы пройдем КМБ, после чего нас ждет присяга, и распределение по подразделениям.

Из казармы вышел младший сержант невысокого роста.

ВТОРАЯ УЧЕБНАЯ РОТА

Младший сержант Проскуряков – так звали невысокого парня, что повел нас на второй этаж третьего батальона. Первым, кого я увидел, входя в расположение, это был дневальный. У дневального на ремне висел штык-нож. Правда, я тогда не знал, кто такой дневальный, и мне казалось, что, если солдат носит нож на ремне, то он крутой парень. Да, да, те, кто знают, о чем я говорю, могут смеяться. Но тогда-то я не знал, что штык-нож выдают тем, кто заступает в наряд дневальными. Да и что это штык-нож, а не, какой-нибудь, личный кинжал, я тоже не знал. Для меня, как и для большинства ребят, все было в диковинку.

Пройдя мимо дневального, который, кстати, ехидно улыбался, глядя на нас, я повернул голову налево, и увидел, как вдоль коридора, сидят на стульях солдаты. Человек семьдесят, может меньше. Все лысые, глаза голодные, изучающие. Все они смотрели на нас. В голове моей мелькнула мысль, что это те самые «дедушки», о которых мы столько слышали. Но это оказались такие же призывники новобранцы, как и мы, просто прибыли ребята раньше нас.

Сержант Проскуряков построил нас вдоль стены. Из кабинета напротив, вышел офицер – лейтенант Давлетбаев, который был замполитом роты. Офицер внимательно посмотрел на каждого из нас, потом только начал говорить:

– Меня зовут лейтенант Давлетбаев Руслан Амиранович. Обращайтесь ко мне «товарищ лейтенант!». Я замполит второй учебной роты, где вы будете проходить курс молодого бойца ближайший месяц, пока не примете присягу. После присяги, кого-то из вас оставят служить у нас, остальных раскидают по подразделениям. Рота делится на взвода. Позже ваши сержанты расскажут вам, к какому взводу вы относитесь. Взводами командуют сержанты. Вас научат правильно маршировать. По будням, до обеда будете изучать устав. После обеда строевая подготовка. Подъем в шесть, отбой в девять. Об остальном вам расскажут ваши сержанты. Если будут какие-то вопросы, обращайтесь, мой кабинет рядом с кабинетом начальника штаба.

После недолгой речи лейтенанта Давлетбаева, нас повели к каптерке, где хранились солдатские вещи. Каптерка – это, своего рода, кладовка. В каждом подразделении, должна быть каптерка. В ней хранятся вещмешки, противогазы, ОЗК, бронежилеты, каски, солдатские бушлаты и прочее армейское обмундирование. Как правило, всегда назначался каптер – ответственный за имущество. Хотя ответственным всегда был старшина роты, но каптера можно считать его неофициальным заместителем. Вообще каптер – это тепленькое местечко в армии, где ты всегда будешь и сыт и одет. Так что, если вам предложат быть каптером, то не отказывайтесь от этого назначения.

В восьмой роте каптером был тюменец по имени Павел. Паша был очень маленького роста. По сроку службы он уже был «черпак» – прослужил один год. Все свое время он проводил в каптерке и, практически, оттуда не вылазил. Тихий, сам себе на уме, ждал, когда же закончится его срок службы и он, наконец-то, уедет домой.

Нас по одному заводили в каптерку. Все, кто заходил передо мной, выходили без своих вещмешков и бушлатов. Подошла и моя очередь. Я зашел. Каптерка представляла собой небольшое помещение, где-то три на четыре метра. По левую сторону были деревянные стеллажи с амуницией, а по правую, ближе к окну, стоял стол и два стула. На одном стуле сидел каптер Паша, а на другом старослужащий из Екатеринбурга Иван. Ваня мне сразу не понравился – лицо недовольное, зубы через раз – то есть, то нет. Наглый, самовлюбленный, весь «на понтах», в общем, типичное быдло.

– Хрена ли ты вылупился, бл... дь?! – рявкнул Иван на меня. – Снимай бушлат и выкладывая все вещи из вещмешка. Бегом!

Я недовольно посмотрел на Ивана, чуть помялся, но потом, все же, снял бушлат и начал распаковывать свой вещмешок.

Бушлат у меня забрал каптер, обыскал его, написал на бирке мою фамилию и повесил на стеллаж. На вещмешке тоже написали мою фамилию и отложили его в сторону.

– Все, дуй нах... й отсюда и зови следующего! – махнул рукой в мою сторону Иван, давая понять, что со мной закончили.

– А вещи? – удивился я.

Зубная паста, пена для бритья, после бритья, две упаковки одноразовых станков, хорошая зубная щетка, пара кусков душистого мыла – все, что я выложил из своего вещмешка.

– Чего?! Какие нах... й вещи?! – возмутился Иван и, встав со стула, подошел ко мне.

– Пасту с щеткой хоть отдайте. – настаивал я на своем.

– Потом получишь, «душара». А теперь дуй отсюда, пока я добрый!

Ваня впился в меня пронзительным взглядом. Я смотрел в его глаза, и думал об одном – с какой стороны ему лучше всего ударить по лицу. Тот факт, что я здесь новенький, и не знаю здешних порядков, не давал мне этого сделать. Нужно было обжиться, присмотреться к людям, и только тогда, решать, кого можно трогать, а кого нельзя. Лишних проблем, помимо тех, что были у всех молодых, я не хотел. Я знал, что к нам будут относиться с презрением, так как мы совсем «зеленые».

Я развернулся и вышел из каптерки.

После того, как у нас изъяли наши личные вещи, сержанты приказали сесть на свободные табуретки, там же где и сидели остальные новобранцы. Честно говоря, я так и не понял, для чего у нас изъяли личные вещи. Дело в том, что я не раз буду встречать новобранцев в свои следующие годы службы, и ни разу я не видел, чтобы сержанты отбирали у солдата все его вещи, вплоть до зубной щетки! Просто нам довелось попасть к таким уродам, которым ничего не было чуждо. Все наши станки для бритья, пены, шампуни, мыло, зубные пасты и т. д. – все это сержанты забрали себе. Спасибо, хоть, обыскивать не стали – тогда бы это точно был предел низости.

Что ж, мы сидим на табуретках с остальными, такими же как и мы, новобранцами. Говорить нельзя – только слушать. И мы слушали, как один из сержантов объяснял нам правила поведения в нашем новом мире.

– Для тех, кто прибыл только сегодня, объясняю! – вальяжно, по хозяйски, прохаживаясь перед нами, говорил сержант. – С этого момента и до принятия присяги, вы будете служить во второй учебной роте. Здесь вас научат воинскому уставу, дисциплине и порядку. Вы научитесь правильно ходить строевым шагом. Изучите основные команды. Теперь вы в армии, а значит, обращаетесь ко всем «товарищ». Товарищ сержант, товарищ лейтенант, товарищ полковник и т. д. Без разрешения старшего по званию вы даже пукнуть не смее! Захотите подрочить под одеялом – спросите у сержанта! Вы должны понимать, что вы здесь на самых, что ни на есть, птичьих правах! Если хотите что-то спросить, то сначала обратитесь правильно, как положено, согласно уставу, а именно – товарищ сержант, разрешите обратиться! Чем быстрее вы забудете про дом, тем быстрее вы освоитесь здесь.

Мы глотали слова сержанта, жадно заглядывая ему в рот. Для нас это было первое наставление, как нужно себя вести в армии и какие порядки здесь царят. Мы старались не пропустить ни единого слова.

– Ваша рота делится на взвода. – продолжал сержант. – В каждом взводе порядка двадцати пяти человек. У каждого взвода свой сержант, но это не означает, что вы не подчиняетесь сержантам из других взводов! Позже мы зачитаем списки, где вы узнаете, в какой взвод вас определили.

Я попал во второй взвод. Нашим командиром был сержант Васильев. Среднего роста, славянской внешности. Ходил постоянно в застиранной одежде, которая уже давно выцвела. Еще был сержант Проскуряков – маленький, невзрачный. Была у Проскурякова одна особенность – он постоянно моргал. Сначала я подумал, что частое моргание – это нервный тик,

но позже я понял – сержанту постоянно сползала шапка на глаза, так как была велика, и, чтобы не поправлять каждый раз ее руками, он поднимал шапку своими бровями, интенсивно моргая. Смотрелось это, довольно таки, смешно и нелепо. Еще были два сержанта – сержант Казах и Татарин. Имен и фамилий я их не помню, но прозвища их запомнил. У Казаха было круглое лицо, смуглая кожа. Прозвище свое, как и сержант Татарин, он получил из-за своей национальности. Татарин чуть выше среднего роста, светловолосый, крепкий парень. Из всех сержантов, Татарин был самым рассудительным, хоть и перегибал иногда палку по отношению к нам – новобранцам.

Утренний завтрак мы пропустили, на обед нас еще не поставили на довольствие, а вот на ужин мы попали. До ужина мы сидели на табуретках. Просто сидели. Сидели и ничего не делали.

– Вторая учебная рота, выходим, строимся на ужин! – громко скомандовал сержант Татарин.

Мы столпились у каптерки, чтобы получить свои бушлаты. Когда все были одеты, нам приказали выйти на улицу и построиться перед казармой. Мы вышли. На улице уже стемнело. Только-только начинал идти первый снег.

– Ну, что столпились как стадо баранов? Кому сказано – строиться!? – вышел из казармы сержант Казах.

Знали бы мы еще как строиться. Мы заерзали на ровном месте. Никто толком не знал, в каком порядке нужно строиться. Те, кто прибыл на пару дней раньше нас, начали создавать строй в четыре колонны. Я пристроился к остальным.

– Эй, ты! Ты?! – сержант Васильев кого-то звал. Я обернулся и встретился с ним взглядом. – Ну, ты, тот, который думает, что это не он!

– Я? – переспросил я на всякий случай, хотя и понимал, что обращаются ко мне.

– Ну, конечно ты! Фамилия твоя как?

– Хохлов. – отвечал я неуверенно.

– Хохол значит. Ты, Хохол, как один из самых длинных, должен идти впереди строя. Усек?!

– Мне вперед встать? – растерялся, почему-то я.

– Ты глухой что ли?! – сержант Васильев начинал сердиться на меня.

– Нет, не глухой.

– Ну, так свали из жопы строя и встань спереди!

Спорить я не стал и перешел в первые ряды строя. Помимо меня, еще четверых высоких ребят поставили впереди. Когда же все были построены, сержант Татарин взял бразды правления на себя.

– Значит так, товарищи «запахи»! Вы еще не приняли присягу, а значить и «духами» вас не назовешь. Поэтому вы пока только «запахи». Ваша первостепенная задача, тех, кто в строю, – это не нарушать строй! Вы хоть обосритесь, но строй не нарушать! Первая шеренга задает шаг, остальные идут с ними в ногу. Все должно быть как по линейке! Если вы сбили ногу, то и за вами, обязательно, сойдутся. Понятно, что такое в ногу? Это когда все идут одинаково – если первая шеренга тянет правую ногу вперед, то и все за ними делают также. Еще одна важная вещь – никого не впускать через строй. Если кто-то решит пройти сквозь ваш строй, значит, вы запороли свою первостепенную задачу, а именно – не нарушать строй! Дальше, когда нужно повернуть, сержант дает вам команду – «Правое плечо вперед!». Это значит, что вам, ребята, нужно повернуть налево. Когда вы слышите такую команду, вы делаете следующее – в первой шеренге, крайний слева, стоит на месте и марширует. Кто справа, тот, маршируя, поворачивает налево. Остальные подстраиваются под них. Тоже самое и с командой «Левое плечо вперед!». Когда я говорю «На месте!» – значит стоите и маршируете на месте. Когда «На месте, стой!», – перестаете шагать и стоите по стойке смирно. Всем все понятно?!

– Да. – в разнобой, еле слышно, отвечали мы.

– Вы чо, долбанулись, что ли?! Вы как отвечаете старшему по званию?! Надо отвечать «Так точно!» Громко, в один голос! Спрашиваю еще раз – всем все понятно?!

– Так точно! – громко, но невпопад отвечали мы.

– Еще раз – всем все понятно!?

– Так точно!

– Вот так. Над этим мы еще поработаем. А теперь – становись! Равняйся! Смирно! Отставить! Вы чего, бараны тупорылые, физкультуру с ОБЖ пропускали?! Не знаете в какую сторону равнение держать?! По команде «Равняйся!», поворачиваете свою башку направо. Подбородок вверх, правое ухо выше левого. Повторим – становись! Равняйся! Смирно! Стоп, стоп! Да что вы творите, вашу мать!

Я чувствовал себя как в детском саду – причем не в роли воспитателя, или же родителя. Мы как малые дети, которые только учатся ходить, но делают все не правильно. В школе к этому проще относились, здесь же все было строго. Если команда «Смирно!», то надо не просто поднять подбородок вверх, а встать прямо, вытянутся всем своим существом вверх, грудь вперед, руки по швам – создать впечатление вытянутой струны, готовую, вот-вот, лопнуть. По команде «Становись!» мы должны встать в строй, если мы уже в строю, то обратить внимание на того, кто раздает команды. При команде «Вольно!» вы ослабляете левую ногу и опускаете подбородок, чтобы ваш взгляд был под углом 90 градусов. Ворочать головой, разговаривать по команде «Вольно!» нельзя.

– Татарин, мы так ужин пропустим! Потом научим их командам. – вмешался в воспитательный процесс сержант Казах.

– Ладно, успеем. Еще один момент, товарищи «запахи». Когда вы слышите команду «Шагом марш!» – после слова «шагом» вы должны корпус своего тела подать чуть вперед, и, только, после команды «Марш!», начинаете маршировать с левой ноги! А теперь, шагоооом, марш!

И мы пошли. Не Бог весть как, но пошли.

– Раз, раз, раз, два три! – давал нам счет сержант, чтобы мы могли под него маршировать и не сбиваться. Если счет дают под левую ногу, то, каждый раз, когда вы слышите очередной счет, в это время ваша левая нога должна уже стучать по земле.

До столовой мы дошли как стадо бродячих баранов – так о нас отозвался сержант Васильев. Перед столовой мы были не одни – напротив одноэтажного здания стояло, как минимум, еще пять отдельных строев. В армии все ужинают с 19 до 20 00. На крыльце столовой стоял офицер со списком – дежурный по полку. Сержанты подходили к дежурному и отчитывались о количестве личного состава, кто пришел на ужин. Офицер сверял свои списки, делал отметки и давал команду – кто и в какой очереди заходит в столовую. Вот один интересный нюанс – заходить в столовую в верхней одежде нельзя. Гардероба в столовой нет. Что же делать, спросите вы? Было два варианта – мы раздевались на улице, кидали бушлаты в одну кучу на снег и оставляли одного человека, который сторожил наши вещи. Во время ужина мы оставляли нашему сторожу покушать – когда мы выходили, он заходил и ел в ускоренном режиме, так как его на улице ждали остальные. Второй вариант тот же самый, но бушлаты мы скидывали на пол в тамбуре столовой и также назначали сторожа. Возможно, в других частях, есть что-то типа гардеробной, но я такого не встречал.

Когда нам дали добро, чтобы заходить в столовую, сержант Васильев скомандовал:

– Справа, в колонну по одному, бегом, марш!

Те, кто стоял с правой стороны строя, бегут первыми, потом следующая колонна и так пока все не забегают в столовую. Перед тем, как забежать в столовую, каждый должен снять головной убор. В столовой нас встречал сержант Татарин, указывая на столы, где было накрыто на нашу роту.

Если вы когда-нибудь были в школьной столовой, то в армии все то же самое. Огромный зал, в котором, в аккуратные ряды, составлены столы с лавочками. Ничего особенного.

И так, мы расселись за свои столы. На столе стоит алюминиевый казанок, чайник, тарелки и стаканы с ложками. Еще стояла большая тарелка с кусочками масла в виде огромных таблеток. Две буханки нарезанного хлеба. Все сидят и ждут команды сержанта.

– Значит так, орлы! – сержант Казах принялся объяснять нам, как правильно вести себя в столовой. – По команде «раздатчики пищи встать!», встают те двое, кто сидит с краю стола, рядом с казаном. По команде «к раздаче пищи приступить!», один раздатчик разливает в чашки чай и передает остальным, другой раскладывает пищу в тарелки и, также, распределяет с остальными. Потом я даю команду «приступить к приему пищи!», после чего ваши ложки должны загреть, словно легион римлян на мечях дерется. Всем все понятно?

– Так точно!

И мы все делали, как нам приказывали сержанты. На ужин, как сейчас помню, было пюре и тушеная рыба с подливой – вроде щука. Чай в чайнике был уже подслащен. Масло кто на хлеб мазал, кто в пюре кидал. Вполне сносный ужин, скажу я вам. Чай не такой уж и сладкий, но и горьким его не назовешь. Это сейчас я слышу от ребят, кто служит по одному году, что их и пельменями кормят, и мясо они в своей тарелке находили... У нас все было проще – мяса мы не видели, и не важно, будь то борщ, либо каша – везде только масла и жир. Иногда, конечно, мясо попадалось, но это было только тогда, когда проходили проверки в лице высшего руководства. Если на ужин макароны, то готовьтесь увидеть на своей тарелке кусок слипшегося, разваренного теста. Еще бывало, и очень часто, овощное рагу, в простонародье «бигус», – картошка, тушенная с квашеной капустой. Бигус в армии никто не любил – всегда неприятно пахло, и всегда кисло. Говорят, что в бигус еще и мясо кладут, но, как я уже говорил, мяса мы не видели. То есть, наше меню было очень скромным, и проблема была не в том, что армия для нас мяска зажала, а в том, что готовка еды практически не контролировалась. Есть начальник продовольствия, начальник столовой – в их обязанности входит контроль за приготовлением пищи для солдат. На деле все получается так – в столовую поставляют с армейских складов мороженное мясо. Далее это мясо размораживается, режется – что-то уходит в холодильник для следующего приготовления, что-то сразу в кастрюлю. Единственными гражданскими лицами в столовой, в наше время, были поварахи. У поварих дома дети, которых надо накормить. Каждая повариха отрезает от нашего мяса не малый кусок, чтобы накормить своих домочадцев, может, и шашлычок на выходных замутить. Сам начальник столовой голодным себя тоже не оставит, выбрав себе самый лучший кусок. Потом постоянные обитатели столовой – помощники поваров, хлеборезы, ответственные за продовольственные склады ребята – всем хочется хорошо поесть и приготовить отдельный вкусный ужин. И нельзя обделять дежурного по столовой – ВСЕМ НАДО МЯСА! Ну, и, конечно же, оставшееся мясо идет в офицерское меню, ведь офицеры питаются отдельно от солдат. Комната, где питались офицеры, тоже располагалась в столовой, но там все было по-другому – больше похоже на кафе. И еда у офицеров была не та, что у смертных солдат. Если подлива, то с мяском. Плов – значит с мясом. Овощное рагу – то почему ж без мяса? – не порядок! Мяса товарищам офицерам! Все как полагается! Ну, а уж, то мясо, те масла и косточки, что остаются после всех голодных ртов, идет к нам в тарелки! Думаю, если бы офицеры питались в одной столовой, с одного котла, вместе с солдатами, то мы бы вкусно ели! Но, при нас такого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.